

УЛЫБКА СМЕРТИ НА УСТАХ

Убийство
сладким
не бывает

АННА И СЕРГЕЙ
ЛИТВИНОВЫ

Паша Синичкин, частный детектив

Анна и Сергей Литвиновы
Улыбка смерти на устах

«ЭКСМО»

2020

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Литвиновы А.

Улыбка смерти на устах / А. Литвиновы — «Эксмо»,
2020 — (Паша Синичкин, частный детектив)

ISBN 978-5-04-115904-7

Ко мне, частному детективу Павлу Синичкину, пришла клиентка, которая попросила расследовать гибель своего отца – руководителя, работавшего в крупной госкорпорации. Полиция считает, что произошло самоубийство, в возбуждении уголовного дела отказано – однако девушка уверена, что не все так просто, и подозревает собственную сестру и ее мужа. Мы с моей помощницей Риммой взялись за дело, не подозревая, что окажемся вовлечены в целую цепь преступлений. Притом одним из них окажется убийство игрока прямо на съемках популярного телешоу «Три шага до миллиона»...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-115904-7

© Литвиновы А., 2020
© Эксмо, 2020

Содержание

Жертва № 5	6
Павел Синичкин	9
Жертва № 2	22
Паша Синичкин	27
Жертва № 2	30
Римма	34
Паша	39
Римма	42
Конец ознакомительного фрагмента.	45

Анна и Сергей Литвиновы

Улыбка смерти на устах

© Литвинова А.В., Литвинов С.В., 2020

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2021

Жертва № 5

Лето 2019 года

Первое в году погружение в море, конечно, настоящий кайф.

Да еще в середине такого суматошного лета. И перелет с каждым годом все тяжелей дается: рано встаешь, маешься в железной коробке такси по пути в аэропорт, потом проходишь все эти утомительные формальности: «Снимите ремень!.. Поднимите руки!.. Включите планшет!..» Потом, когда препоны позади, наступает короткое облегчение в аэропорту, можно слегка расслабиться, взять пивка, пусть за сумасшедшие деньги – но я не отказал себе в удовольствии, тем более на что мне теперь их беречь, эти бабки?

Надо прихватить в дьюти-фри пару-тройку мерзавчиков-вискарей, чтобы скрасить себе полет. Сидишь на своем месте, стиснутый ремнем безопасности и попутчиками, посматриваешь в иллюминатор, незаметно для стюардесс выливаешь содержимое мини-бутылочек в чай, кофе или колу, прихлебываешь, глубокомысленно листаешь журнал или смотришь кино на планшете.

Потом – посадка, блеснувшее вдалеке море, синее-синее. Радость: «О море! Мое любимое! Скоро я обниму тебя!» Быстро набегающая взлетно-посадочная полоса, удар шасси о бетон, уютный речитатив пилота. И – теплый влажный воздух, который охватывает, едва выходишь на трап.

И снова очереди на паспортном контроле. Наши люди еще по привычке собачатся, кто за кем занимал. Но пограницы уже намного добродушней. Проверяют тебя расслабленной, чем наши в Шереметьеве, с улыбочками.

Затем снова – влажная духота улицы. Очереденка на такси подходит быстро. Шофер-араб помогает погрузить чемодан. Лютая кондиционированная прохлада салона, и, как завершающий аккорд путешествия: последняя бутылочка выпивается в салоне такси прямо из горла, неразбавленной. Полчаса езды мимо пальм и отелей, и вот уже привычная гостиница, знакомый персонал.

– Добрый день, мсье. Мы рады вас снова видеть.

– Добрый, добрый. И я очень рад, что вернулся. Забыл, как тебя зовут?

– Шарль, мсье. Форму вам заполнять не нужно, в компьютере все ваши данные сохранились. Приветственный бокал игристого, мсье?

– Не откажусь.

Когда я с удовольствием глотаю замороженный шампусик, происходит небольшой инцидент. В холл вваливается целая толпа русских. Кажется, они летели с мной одним рейсом – возможно, даже бизнес-классом. И сюда прибыли вместе, на микроавтобусе «Мерседес». Однако, несмотря на «бизнес» и «мерс», выглядят они как типичные наши за границей: чрезмерно шумные, слишком толстые, чересчур вычурно одетые. Много золота, а на дамах – брюликов. Группа устремляется к стойке, сметая все на своем пути. Распаренная красная тетка в майке от «Диора» с ненавистью косится на запотелый бокал, что я держу в руках, и врезается своим чемоданом мне прямо в ногу. Черт! И пребольно! Вот гадина!

– I'm very sorry, – злобно цедит она на бегу и первой из группы подает портье свой паспорт.

Но даже этот инцидент не портит мне настроения. Я отставляю пустой бокал, быстро поднимаюсь вверх. Багаж уже доставили, коридорный с поклоном принимает мою двухевровую монету. Нет, я не буду распаковывать вещи, просто достану плавки, не зря же положил их в Москве в последнюю очередь. Теперь переодеться и бегом – на море. Вот оно, прямо здесь, под окном, зовет и манит, светится и играет. Я оглядел себя в большое, до пола, зеркало. Несмотря на блестящие седина и залысины, я сухопар и довольно подтянут. Сказываются регу-

лярные, три раза в неделю, тренировки. Да, я запросто могу рассчитывать на романчик здесь, на море. *Если, конечно, успею.*

Ах, как все хорошо – вот только нога, в которую заехала русская тетка, слегка саднит. И ссадина вон на бедре покраснелась. Ну ничего. Как мне мамочка в детстве говорила? «Море все лечит». Вон оно, за балконной дверью, сияет и манит. По краю горизонта водный мотоцикл тянет резиновую колбасу, «акулу», усаженную сверху отдыхающими.

Я хватаю пляжное полотенце, набрасываю себе на плечи и спускаюсь вниз. Народ во множестве плескается в бассейне, загорают и выпивают на шезлонгах. Не одна и не две пары глаз, расслабленных спиртным, оценивают «на новенького» мою фигуру. Но, нет, я здесь, у бассейна, не останусь – никогда не мог понять, отчего эти странные люди, в основном почему-то немцы, купаются в забетонированных лужах, когда рядом огромное, сияющее, неограниченное море. Все равно что настоящей живой женщине предпочитать резиновую куклу.

Короткая аллея – и вот он, пляж. Теперь я оттягиваю сладостный момент. Перед первым погружением – и это тоже ритуал! – я выпиваю еще один коктейль в баре на пляже.

Жаль, что привычного бармена нет. Есть какой-то новенький. Он смешивает мне кир-роаль, и я, счастливый отпускник, опоражниваю его прямо у стойки.

Народу в баре полно, хоть до вечера еще далеко. На высоком табурете рядом со мной оказывается девушка, улыбается призывно. Я ослабляюсь в ответ, бросаю: «Гутен таг», – почему-то кажется, что она – немка. Да, поприветствовать, но ничего больше. Сейчас не до девчонок. Главное – столь долгожданное *первое купание*.

И я, наконец, бросаю полотенце на свободный топчан и бегом, чуть не вприпрыжку, словно в детстве, кидаюсь к морю.

Влетел, вздымая буруны, прыгнул, поплыл.

Нет, ничего лучше моря нет. И я всякий раз убеждаюсь в этом. Всяческие эрзацы – речка, ванна, бассейн – не более чем жалкие заменители. Море – это да. Море – это вещь.

И первый раз в году погрузиться в него – все равно как впервые возлечь с любимой женщиной. С той самой, недостижимой – искренней, понимающей. Принимающей тебя всего – без остатка, любого, со всеми твоими недостатками, сложностями, пунктиками и тараканами.

Скажи, сколько мужчин (и женщин) было у тебя до меня, а, море? Ты наверняка уже сбилось со счета. Мы, люди, приходим и уходим, а ты с каждым все такое же: ласковое, любящее, обтекающее, обнимающее. И я тебя отнюдь не ревную к другим.

Или же, напротив, ты гневаешься и становишься серым, сварливым, свирепым. И готово растерзать и убить. И – убиваешь!

Но сейчас ты – ласковое, мирное, податливое. Какое наслаждение – нырнуть, долго плыть под водой, мощно работая руками. А потом, на пределе дыхания, всплыть на поверхность и долго грести, чередуя брасс и кроль. А после, когда отплыл достаточно далеко – так, что люди на берегу кажутся крохотными фигурками, – лечь на спину и подставить лицо солнцу. Которое сейчас, когда я в воде, совсем не жарит и не жалит, как на суше, – а нежно, лаская, гладит щёки, лоб и нос. И кругом – тишина, покой, умиротворение. Кайф. Наверное, высший кайф, созданный природой.

И вот именно в этот самый момент наивысшего наслаждения я вдруг ощущаю сильнейшую, чудовищную боль в спине. Сначала я даже не могу понять, что происходит, настолько случившееся неожиданно, так сильно диссонирует с окружающим – с радостью, счастьем, всеобщей любовью, – что я даже и не понимаю, что творится.

Но тут страшно болезненный укол в спину повторяется. Судорога сводит все мое тело.

И только тут, после второго приступа, я понимаю, что происходит. *Они* все-таки добрались до меня. Значит, здесь и сейчас? А что, похоже на...

Тут третий, еще более сильный удар боли сотрясает мое тело. Я вдыхаю, но во рту отчего-то оказывается вода. Я кашляю, дергаюсь, чуть не выпрыгиваю из воды.

«Интересно, а кто меня *исполнил*? – отвлеченно, как со стороны, думается мне, когда боль отпускает. – Та девчонка в баре, что улыбнулась призывно? А может, тот новенький бармен? А может, привычный и любимый портье, мсье Шарль? Или, – вдруг пришло мне в голову, – та самая толстая русская тетка внизу, у стойки? И задела она меня вовсе не чемоданом – сделала укол зонтиком, как некогда Георгию Маркову¹. А может, это просто приступ? Нормальный, обычный инфарктик – я слишком много сегодня, на круг, выпил: в аэропорту, самолете, в такси, в лобби и теперь вот на пляже? И сердчишко просто само дало сбой? И я сейчас чуть отлежусь на этой ласковой воде и приду в себя? И спокойно поплыву к берегу?»

Но тут меня потрясает еще один приступ, я судорожно втягиваю воздух – однако вместо него в легких оказывается вода, и я снова дергаюсь, но руки и ноги не слушаются, и снова вдох, и вода заполняет все пазухи – и, наконец, я медленно начинаю тонуть.

И – последняя мысль, уже на пределе сознания: «А ведь случилось точно так, как *они* обещали».

¹ Хотя убийц не нашли, считается, что болгарский диссидент Георгий Марков был отравлен в 1978 году в Лондоне болгарским КГБ с помощью ампулы с рицином, которой выстрелили с близкого расстояния из устройства, вмонтированного в зонтик.

Павел Синичкин

Девятью днями ранее

Июль 2019-го

Судя по интонации, с которой Римка представила мне по интеркому посетительницу, та показалась ей слишком хорошенькой.

– К вам Полина Порецкая, – крайне скептически объявила моя помощница, и в кабинет вошла действительно очень красивая девочка.

Девочка – именно так я мысленно назвал ее, хотя лет ей было двадцать пять – двадцать семь. Но при этом визитерша оказалась крайне миниатюрна: росточком чуть выше полутора метров. Маленькие красивые ручки. Точеные и исключительно правильные черты лица. «Как статуэточка!» – наверняка отозвалась бы о ней моя покойная (увы) матушка. Или заметила бы, что девчонка выглядит «интеллигентно».

Для маменьки это была лучшая похвала. Всю жизнь она мечтала, чтобы я связал себя узами вот с такой, тоненькой и аристократичной. Мне же всегда были по сердцу полнокровные, румяные, боевые оторвы. Такие, как помощница моя Римка.

Впрочем, в последние свои годы родительница моя незабвенная согласилась бы, кажется, на кого угодно. Лишь восклицала время от времени патетически: «Неужто я так и не дождусь внуков?!» Да, увy, она так и не дождалась.

Хотя посетительница оказалась совершенно не в моем вкусе, но выглядела она, надо признать, исключительно красивой.

После фигур вежливости и усаживаний я спросил девушку, что привело ее в наше сыскное агентство.

– У меня умер отец. – Пауза, и, так как я не прореагировал, она продолжила: – Все считают, что он покончил с собой.

Визитерша опять остановилась, и я подсказал:

– А – вы?.. Как думаете вы?

– Я думаю, – с вызовом проговорила госпожа Порецкая, – что его убили.

– Кто? И за что?

– За этим я пришла к вам.

– Хорошо. Расскажите тогда официальную версию. Итак, считается, что ваш отец покончил жизнь самоубийством, правильно?

– Я начну сначала...

– Как вам удобнее. Начинайте откуда хотите. Но лучше, конечно, сначала.

Наверное, я все-таки на нее запал, потому и говорить стал больше обычного. Это мне самому не понравилось. И то, что стал слишком велеречивым. И тем более что – запал.

Хватит с меня служебных романов. От них одни неприятности. Что с Римкой, что с клиентами.

Спокойные, ровные отношения, без всякой примеси любви и тем более секса – вот залог нормальной, уверенной работы.

Всякого творческого коллектива, а сыскного агентства – тем более.

Если предаваться самокритике, имеется у меня один недостаток: я очень влюбчивый.

Чересчур.

Слишком часто и не по делу воспаляюсь. И это определенно вредит работе. Чего стоят только мои взаимоотношения с Римкой!

Мы с ней без счета сходились, расходились, жили вместе, разбегались навсегда. А потом снова встречались, и опять нас, в конце концов, бросало в объятия друг к другу.

Попутно у меня, конечно же, случались романы, и Римка узнавала и бешено ревновала, устраивала сцены. А у самой-то тоже рыльце в пушку! Чего стоил хотя бы этот ее казах из-под Пскова! И ведь хватило же у того раскосого скобаря наглости заявиться к ней сюда, в Москву, с цветочками! Ох, как далеко и надолго после этого Римма Анатольевна была мною послана!²

Но сейчас-то мы, кажется, оба перебесились, и у нас, слава богу, установился ровный, спокойный, выдержанный нейтралитет. Похоже, мы остановились на правильном градусе, что она – просто моя коллега, младший товарищ, соратница в нелегкой работе.

Ее это, кажется, тоже устраивало, и она больше не устраивала взрывков типа разойтись навсегда или, того хуже, сойтись навеки.

И мне совершенно некстати сейчас завести роман на стороне – причем на глазах у Римки. Чтобы моя соратница презрительно шурилась, фыркала, метала молнии и отпускала язвительные замечания.

Да и потом, крутить с клиенткой – непрофессионально. Спать с тем, кто тебе деньги платит, – как-то фу. Сие выставило бы меня, да и агентство наше сыскное, моим именем названное, не с лучшей стороны.

Поэтому я сразу решил найти в сегодняшней посетительнице, такой всей из себя няшной, изъян. Чтобы перестать в нее влюбляться.

Может быть, голос? Знаете, бывает у женщин, особенно тонкокостных, голос – как болгаркой пилят. Потом долго его из головы приходится выковыривать. Но у этой тембр звучал приятно: низкий, грудной, бархатный. И говорила она ясно, просто, умно. Вдобавок наша беседа никакого флирта совершенно не предполагала – еще бы, гибель родителя! Но, видать, в ней случившееся перегорело, потому что изъяснялась визитерша не без доли кокетства – видимо, ей органически присущего. Как и миниатюрные формы, а также правильные черты лица.

– Начнем с того, что два года назад умерла наша мама...

– Вы сказали «наша»? – перебил я ее. – Вы не одна в семье?

– Нет, не одна, – ответила девушка сухо. – Есть еще моя сестра. Родная. Старшая. Юлия Игоревна. Семь лет разницы.

Довольно неприязненный тон, которым говорилось о ближайшей родственнице, и поджатые губки заставляли предполагать, что отношения между сестрицами не задались. Я сделал себе зарубку на будущее.

– А что – ваша мать? Она тоже погибла насильственной смертью?

– Нет, слава богу! Хотя не скажу, что ей повезло больше, чем папе. У нее оказался рак. Лимфома. Диагностировали слишком поздно. Четвертая стадия. Три года она боролась. Химия, облучение. – Глаза девушки повлажнели. – Отец все время был с ней рядом и всячески поддерживал. А когда она... – девушка моргнула и сделала над собой усилие, – она ушла, отец впал в натуральную депрессию. Он не мог ничего: ни работать, ни отдыхать нормально, ни даже следить за собой.

– Выпивал?

– Сначала – да, мы думали, что дело в спиртном. Ушел, дескать, в запой, потом похмелье, и все такое. Но, во-первых, раньше он никогда проблем с алкоголем не имел. А главное, алкоголь ситуацию не объяснял. Вроде и пить он перестал, а становилось только хуже. Лежал на диване, глазами в стенку. Я уговорила его посетить психиатра. Точнее, даже привезла врача к нему – он категорически не хотел даже выходить из квартиры... И она – психиатра нам порекомендовали женщину, доктора наук, – диагностировала у отца клиническую депрессию. Знаете, – прервала Полина саму себя, – сейчас «депрессия» стало модным словом. Все кричат: ах, у меня депрессия! Ноготь сломала, и сразу: депрессия! А ведь большая депрессия – серьез-

² Подробнее об этом в романе Анны и Сергея Литвиновых «Брат ответит».

ное заболевание, – сказала клиентка явно с чужих слов, возможно, той самой психиатрички. – И его следует лечить. Вот и с отцом врач долго говорила наедине, а потом прописала антидепрессанты. И попросила, чтобы первое время, неделю или даже две, отец был под постоянным наблюдением кого-то из близких. Ну, я взяла отпуск и первую пару недель была с ним рядом неотлучно...

Я пометил для себя, что Порецкая, рассказывая об уходе за отцом, использует единственное число: «я взяла отпуск», «я привезла врача» и так далее. Что, спрашивается, делала в это время ее сестра?

– И что же отец? Выздоровел?

– Да! Совершенно! Через две недели пошел на работу как ни в чем не бывало. Он, конечно, продолжал наблюдаться у врача, но стал сам ездить к ней в медцентр. Она уменьшила ему схему, но принимать антидепрессанты, сказала, нужно долго. Однако месяца через четыре он их и вовсе бросил. И чувствовал себя превосходно.

– А какие именно таблеточки он принимал?

– А вы что, в них разбираетесь?

– Я разбираюсь очень во многом, Полина. – Фу, прозвучало ужасно. Нет, я определенно распускал перед ней хвост, пусть непроизвольно.

Девушка усмехнулась и молвила:

– Ему прописали ***. И ***. И ***. В конце концов, именно эти таблетки его и сгубили.

– Он что, покончил с собой с их помощью?

– В полиции считают, что да. Но я не верю, что он *сам* это сделал. Ему – *помогли*.

– А чем занимался по жизни ваш батюшка?

– По образованию он инженер-энергетик, занимал хороший пост в крупной госкомпании, поэтому, конечно, и он, и все мы держали в тайне род его болезни, и я бы и вас тоже попросила не распространяться об этом...

– Тайна клиентов – наш приоритет, – с глубокомысленным видом откликнулся я и подумал, что прозвучало прямо-таки как слоган: «Детективное агентство «Павел»! Тайны клиентов – наш приоритет!» Определенно я стремился произвести на девчонку впечатление. Как говаривала моя маменька: «Натуру в штаны не спрячешь».

– Теперь расскажите мне о другом: после смерти вашего батюшки кто ему наследует?

Тут девушка явно занервничала:

– Наследуем мы с сестрой.

– Только вы двое?

– Да. В равных долях.

– Было завещание?

– Нет. Но так ведь по закону полагается, верно? Других наследников, кроме нас, не имеется. Мама умерла; бабушка с дедушкой, отцовские родители, тоже ушли довольно давно. Других детей у отца не было. Значит, сейчас мы с Юлькой наследуем поровну.

– Много ли того наследства?

– Вы беретесь за мое дело? – глянула она мне прямо в глаза.

– Да.

– Значит, в нашем с вами контракте наверняка будет пункт о неразглашении.

– Естественно.

– Тогда я вам скажу. Отец наш был человеком небедным. Он два дома за границей купил и на нас с Юлькой записал. Один в Испании, в Каталонии, на меня. Второй, во Франции, – на сестру. Мы, естественно, спрашивали его, какая примерно стоимость. Тогда, десять лет назад, в момент приобретения, когда все было еще хорошо и с ним, и с мамой, он сказал, что цена каждого дома около «лимона» евро. Плюс – две квартиры нам с сестрой обеим в Москве сделал. Квартиры не самые блестящие и в плохих районах, Юлии Игоревне вообще неважная доста-

лась, в Гольянове. Мама его убеждала, что лучше бы он нам здесь более качественное жилье купил, чем в заграничную недвижимость вкладываться. Но он же упрямый, говорил: «Выйдем на пенсию, будем к дочуркам в гости ездить. Месяц – на Коста-Брава, месяц – на Лазурке». Вот и попутешествовали. На кладбище к ним обоим теперь ездим.

– Но упомянутая вами недвижимость, как я понимаю, и без того на вас с Юлией Игоревной записана? А что вы после смерти отца наследуете?

– Квартира в Москве ему принадлежала, по нынешним временам – почти что в центре, на Ленинградском проспекте, в районе «Аэропорта». Дача в Краево, в тридцати километрах от МКАДа. На счетах, как оказалось, у него скопилось миллиона три рублей в общей сложности. Плюс мамины драгоценности, которые он все бережно сохранил.

– Значит, получается, что самые заинтересованные персоны в смерти вашего отца – вы с сестрой, так?

Она дернулась. Потом протянула:

– Я-то нет.

– А кто – да? На сестрицу вашу Юлию намекаете?

– Что уж тут намекать! В открытую говорю. Хотя, конечно, вряд ли она сама, своими руками, но... Как говорится, кому выгодно... Понимаете, именно с Юлькой у отца страшный раздор случился. Все из-за Костика, мужа ее нынешнего. Короче, она с ним давно начала встречаться. А он какой-то мутный. Провинциал, приехал из Кировской области. Образования толком нет. Работает – пластиковые окна вставляет, но не работяга, слава богу, а что-то вроде прораба. Разводит клиентов на заказы, обмеры всякие делает, потом качество проверяет, а если какие претензии – с заказчиками улаживает. Короче, непонятно, что она в нем нашла, даже мне в свое время Юлька внятно не сумела объяснить, когда у нас еще доверительные отношения были. Присушил ее чем-то. Хотя ничего особенного. Бледный тип с верткими глазами. Хотя смазливый, конечно. И подкачанный. Но ни одеваться толком не умеет, ни вести себя в обществе. Короче, когда он появился, родители (а он давно у Юльки в жизни возник, мама еще жива была) довольно резко ей высказывали, что он ей не пара. Да и я в подобном ключе выражалась. А она взбрыкнула и говорит: не ваше дело, жизнь – моя: как хочу ее строю, с кем хочу – встречаюсь... Ну, и продолжала с ним жить. А тут как раз с мамой все завертелось, не до Юльки и тем более ее Костика стало. А потом мамочка ушла – два с небольшим года назад, в мае, цвели тюльпаны, вишни, а мы ее схоронили. Потом с отцом эта неприятность...

– Вы говорили – вы за ним ухаживали? А Юля? Она что, обиду затаила? За то, что ее избранника не приняли?

– Ну, если честно, я всегда как-то ближе с отцом была, Юлька – с мамой. А потом она несерьезно к его заболеванию отнеслась: «Подумаешь, депрессия! Всем тяжело! Пусть возьмет себя в руки! Он же мужик!» В итоге отец выправился, но, если честно, трещина между ними осталась. Папа наш довольно самолюбивый был и обидчивый. А затем случилась одна история. Как раз на Новый год. Не на этот, а на прошлый, полтора года назад. У нас, когда мама еще жива была, сложилась традиция: встречать всем вместе, на даче. Иногда друзей приглашали – родители или мы, но далеко не часто и самых, что называется, отборных. А чаще были вчетвером. Мама готовила разные вкусняшки, мы с Юлькой подключались, иногда отец тоже что-то изображал по кулинарной части. И вот на позапрошлый Новый год отец предложил эту традицию продолжить. Он как раз от своей депрессухи оправился, от лекарств отдохнул, в хорошем настроении пребывал. Боль от ухода мамы слегка смягчилась. Ну, и предложил нам собраться, как в былые времена, – мы ведь даже предыдущее Новогодье вместе встречали, когда мамочка совсем плоха была: обритая, худая, с кислородным баллоном... Конечно, нам ее ужасно не хватало, и горько было на том же месте встречаться, но раз отец сказал – значит, надо. Нас мама в таком патриархальном, антифеминистическом духе воспитывала: мужчина в доме глава, он всегда прав, его следует слушаться. Короче, собрались мы на даче. Она

на востоке от Москвы расположена, в месте сейчас совсем не модном. Но родители домик и участок там купили, лишь только Юлька родилась, в самом конце советских времен, когда и выбирать особо не из чего было. Потом, со временем, отец там, в Краеве, новый дом отстроил. У нас с сестрой там все детство прошло, столько воспоминаний. Сосны, лес, речка... В общем, тридцать первого декабря я пораньше на дачу приехала, прямо с утра, отцу помочь. В тот год тридцать первое число на выходной выпало. Отец пребывал в прекрасном настроении, смеялся, шутил. Ну, нарядили мы с ним вместе елки – одну настоящую, что прямо на участке растет, а другую – дома, пластиковую. Стали резать неизбежный оливье. Очень хорошо себя чувствовали, и я радовалась, что у батяни депрессуха его прошла, как не бывало. Отец предложил немного выпить, проводить старый год. Смешали по коктейлю. Короче, радовались – но вот только Юльки все не было. Обещала она в пять приехать, максимум в шесть – а вот уже семь, восемь вечера... Ну, мы с отцом привыкли, что она непунктуальная, но все равно: три часа опоздания – это ни в какие ворота не лезет. Я ей стала звонить – она трубку не берет. Наконец, является. Уже в десять вечера. И не одна.

Порецкая сделала театральную паузу и, так как я не переспросил, вывалила сама:

– С ним. С Костиком.

– С тем самым типом, коего ваши родители категорически не одобрили?

– Именно.

– А вы ждали, что она с ним придет?

– Нет! И разговора такого не было!

– А вы, Полина? Вы-то были одна?

– Ну конечно!

– И часто вы лично своих избранников в дом приводили? Да на Новый год?

– Я – два раза, точно помню. Но не в тот день.

– А сестра?

– Она – всего однажды, на первом курсе. Тогда родителям ее ухажер тоже не понравился, они его за столом зачморили, Юлька потом плакала.

– Значит, в этом смысле случился рецидив.

– Да! Я сразу заметила, что отец потихоньку начал закипать: и от опоздания, и от того, что она с этим чушком заявила. А Юлька с Костиком еще такие загадочные: у нас для вас будет важное объявление. Я родителя потихоньку старалась отвлечь, но папаня смурнел прямо на глазах. Короче, сели мы кое-как за стол, старый год проводили, и тут Юля оповещает: прошу, мол, любить и жаловать, мы с Костиком поженились! Не решили пожениться, не просим, папочка, твоего благословения, а ставит перед фактом: расписались! Отец тут, конечно, натурально припупел. Ничего даже не сказал, просто встал из-за стола и вышел. Молча. И из дома выскочил – прямо в чем был. Ну, мы втроем остаемся, настроение испорчено. Молчим. За пятнадцать минут до Нового года пошла я батюшку искать. А он в бане сидит холодной, только печку затопил, еще не прогрелось, и вискарик пьет. Льда разбавить или воды нет – так он сосульки с крыши бани нарвал и с ними. Я стала его уговаривать: да наплюй, что ж теперь делать, это ее жизнь, оставь Юльку в покое, не порть самому себе нервы и праздник. Короче, вытащила все-таки за стол. Кое-как шампанское открыли, Новый год встретили. Обстановка натянутая, все молчим, в зомбоящик палимся. А потом Костя что-то такое ляпнул – я уж и не помню что, довольно невинное. Да он вообще товарищ немногословный. Три слова в час хорошо если скажет. И ничего особенного не выдал – просто ошибку речевую допустил. Типа, «ложить». Не надо, мол, мне больше оливье ложить. И тут отец как сорвался! И на Костика понес, и на Юльку. На зятя новоявленного кричал, что тот провинциальное хамло деревенское, со свиным рылом в калашный ряд нацелился, и тому подобное. А Юлке: а ты, гадина, дождалась, пока мама умрет, чтобы втихаря этого колхозника в дом втащить, да я тебя прокляну, лишу наследства! Я пыталась отца уговорить, но где там! Прямо понесло его. Честно говоря, я

бы после подобного тоже – или по лицу родителю дала, или из дому сбежала. Ну, они и сбежали. А Костик по факту оказался еще гораздо обидчивей, чем отец. Тогда-то он вытащил Юльку из-за стола, оделись они, уселись в машину – и деру. И уже потом выяснилось – зятек мой тогда ведь выпившим порулил. На въезде в Москву его дорожная полиция тормознула. А он и с ними как-то резко себя повел – в итоге лишился прав на год. Домой они тогда добирались на такси, а машину их мне потом (Юлька не водит) пришлось перегонять, а вскоре они ее продали.

– Дело, в общем, прошлое. Полтора года прошло. Они в итоге так и не помирились?

– Я честно пыталась ситуацию улаживать. И с одной стороны, и с другой. Ну Костя оказался остолоп и дуболом еще тот. У него на все один ответ: я, говорит, понял, тесть меня знать не хочет – ну так проживем и без него, пусть подавится. А вот Юльку я все-таки в итоге с отцом помирила. Долго я с ней и с ним сепаратно переговаривалась, но потом они встретились: в центре, в кафе. И я третья с ними, как посредник. Вроде примирились они. Тому еще помогло, что увиделись они где-то в марте, когда пузо у моей сестрички заметно стало. Короче, они даже поцеловались на прощание – хотя довольно формально. Особой теплоты я как-то между ними больше не замечала. В июне прошлого года Юлька родила. Отец внука долго не видел, хотя хотел, инициативу проявлял. Но сестрица моя как-то отбояривалась. И даже на крестины папу не пригласила – в сентябре прошлого года Матвейку крестили. Похоже, она боялась, что папаня с Костилом опять схлестнутся. Зато когда тот отбыл на побывку к себе на родину, в Кировскую область, Юлия Игоревна батюшку позвала – дала возможность малыша потетешкать. Но это, по-моему, единственный случай был, когда дед с внуком встречался. Хотя созванивались регулярно. Особенно когда Костик на работе задерживался или Юлька одна с малышом гуляла.

– Вы все друг от друга отдельно проживаете?

– Да, я говорила, отец и Юле, а потом и мне подарил на совершеннолетие по квартире в Москве. Малогабаритки, однокомнатные, не в лучших районах – на разживу, как он говорил. Вот Юлька Костилом и разжилась, – съязвила Полина.

– Значит, у зятя с вашим батюшкой отношения так и не наладились?

– Нисколько. Больше того! Где-то перед нынешним Новым годом, то есть спустя год после кардинальной размолвки, отец как-то в выходной пригласил меня к себе домой – в нашу родительскую квартиру, где он проживал один. Был довольно грустный, утомленный, какой-то потертый. Напоил меня чаем и завел разговор, что он хочет составить завещание.

– Завещание? С чего вдруг? Сколько вашему батюшке лет-то было?

– Пятьдесят четыре.

– По нынешним временам довольно нестарый еще возраст. Может, он захворал?

– Я его переспросила. Он отмахнулся: все, говорит, у меня в порядке. Но мне тогда показалось: лукавил он, чего-то недоговаривал, что-то у него со здоровьем было. Хотя впоследствии, по результатам вскрытия, я забегаю вперед, нам с Юлькой сказали, он в норме был. Согласно возрасту и конституции.

– Тогда почему вдруг пришла мысль о завещании?

– Отец так объяснил: я, говорит, не хочу, чтобы то, что мы с мамой наживали, досталось Костику. Я ему: при чем здесь Костик? Там ведь и Юлька есть, дочь твоя, и Матвейка – твой родной внук. «А Юля, – говорит отец, – тоже виновата, что такого морального уroda в нашу семью привела». Короче, оказался он совершенно по отношению к Косте непримиримым – да и к Юле, получается. И сказал: «Все имущество, что на меня записано – квартиру эту на «Аэропорте», дачу нашу в Краеве, – я отпишу одной тебе». Я тогда стала отца уговаривать: не надо этого делать, не нужно никаких завещаний, это несправедливо, пусть все будет по закону, поровну, ты нас с сестрицей навеки рассоришь! А он и слушать не хочет! Больше того! Стал говорить, что отберет даже Юлькин домик на Лазурке, на нее записанный. Я – ему: «Да как это можно?!» А он: «Можно! У меня, знаешь, Пьер какой ушлый (это адвокат его, француз),

в любую сторону закон повернет, что дышло!» Я снова и снова пыталась отца переубедить – но он ни в какую, перемену завещание, и все тут.

– Переменил?

– Похоже, не успел. Или передумал. Во всяком случае, ни у нотариуса нашего, ни у отца в сейфе никакого завещания не обнаружилось. И Пьер на мой запрос ответил, что с недвижимкой на Лазурном берегу все осталось по-старому: хозяйкой является единолично Юлия Игоревна Камышникова, урожденная Порецкая.

– Значит, если разобраться, главным бенефициаром гибели вашего батюшки явилась ваша родная сестра?

– Нет!!! Я такого не говорила!

– Как же не говорили? Сами сказали: отец хотел изменить завещание, лишит Юлию наследства. И вот, в итоге не успел. Следовательно, именно ей смерть его на руку.

– Нет! Не говорила я этого! Что вы? Юлька? Родного отца? Убила или заказала? Не может быть этого!

– А зять ваш, Константин?

– Да он вообще тюфяк и тюлень!

– Но этому тюфяку и тюленю, однако ж, хватило мозгов и хватки, чтобы в примачи к такому обеспеченному столичному семейству записаться. А убивают нынче и не своими руками. Может, нанял кого ваш тюфяк?

– Мне эта мысль, – призналась Полина, – если честно, приходила в голову. Но я все равно не могу в это поверить.

– А у вас?..

– У меня – что? – напряглась она.

– Есть кто-то? И вы своего молодого человека отцу показывали?

– Да, мы встречаемся – именно *встречаемся*, а не живем вместе. И знакомить его с отцом я сочла преждевременным.

– Тем более что у вас перед глазами – неприятный пример сестры.

– Ах, не в этом дело! Просто я так и не поняла – тот ли Геннадий человек, который мне нужен, ясно вам?

– Давно вы *встречаетесь*?

– Мы с ним с детства знакомы, а *вместе* – четвертый год.

– Значит, вашего Геннадия отец не знает и дел никаких с ним не имел?

– Именно так.

– Расскажите тогда мне, пожалуйста, по возможности, подробно: как скончался ваш батюшка.

Крошка полезла в свою объемистую сумку «Прада» и достала файл с парочкой отсканированных листов.

В тот самый момент я понял, что же в красотке было не так. Какой в ее наружности имеется дефект. Она пришла в деловом костюме, блузка с довольно низким вырезом, и тут я углядел, что у нее совершенно некрасивая грудь.

Считается, что мы, мужики, обычно клюем на большую грудь, и это чистая правда. У Римки, к примеру, несомненный третий номер, и это мне нравится. Однако и тут бывают нюансы. Среди сильного пола встречаются, конечно, любители (извините) плоскодонок – дело вкуса. Однако самое главное все-таки не объем, а форма. Полновесная и красивая – вот идеал. Пример – Мэрилин-секси-Монро в фильме «В джазе только девушки». И, конечно, ее (форму) наметанный глаз заметит в самой глухой кофточке. А если уж минимальное декольте – тем паче.

Так вот, у моей визитерши грудь просто никуда не годилась. Два далеко расположенных друг от друга отростка, как бы торчащих по отдельности и не имеющих отношения друг к другу. Фу.

Наваждение, которое меня охватило при первом взгляде на клиентку, а затем накрывшее при звуках ее голоса, сразу отступило.

Моя Римка может спать спокойно. Относительно этой посетительницы, по крайней мере.

А Полина между тем начала рассказывать об убийстве отца – по порядку и многословно, как обычно делают все женщины. Да и тяжело ей, наверное, было повествовать о смерти близкого человека.

– Это случилось чуть больше месяца назад, в пятницу седьмого июня. Я всю ту неделю была в командировке, в Санкт-Петербурге, и, знаете, Северная столица в июне – восторг. Теплынь, около тридцати градусов, на пляже у Петропаловки купаются... Белые ночи... Короче, я давно запланировала: прихватить тот уик-энд, за свой счет, и вернуться на «Сапсане» в воскресенье вечером. У меня в Северной Пальмире есть друзья – познакомились мы на курорте три года назад, молодая супружеская пара. Мы с ними всю субботу провели вместе, ездили в Петродворец. Потом пошли в ресторан, затем в клуб поехали – в общем, оторвались по полной. В гостиницу, на улице Марата, я добралась на такси, уже когда солнышко встало, решила наутро завтрак проспять, хотя завтраки там прекрасные, повесила на дверь табличку «Просьба не беспокоить», надела очки для сна, воткнула беруши и провалилась. Просыпаюсь в воскресенье в половине двенадцатого, смотрю: на телефоне четыре не отвеченных, все от сестры. Звоню Юльке, а она в панике: вчера позвонила отцу – они все-таки перезванивались время от времени, когда Костик не слышал. Мобильник отца, говорит она, недоступен. И городской тоже не отвечает. И так весь вчерашний день, всю субботу напролет, и сегодня – тоже. Хотя никуда отец не собирался, говорил, что дома будет хозяйственными делами заниматься. Я тогда сказала Юльке: поезжай к нему, проверишь. А она: тебе легко говорить, а я на даче, и у меня, ты не забыла, Матвейка на руках. Ну, Костика, говорю, отправь. А она: ты что?! Как это Костя к отцу вдруг поедет?! Я и подступиться к нему не смогу с такой просьбой! Я ее спрашиваю: чего ты *от меня* хочешь? А она: приезжай! «Как я поеду, я в Питере, я последним «Сапсаном» в двадцать тридцать выезжаю – ты что, не знаешь, что сейчас самый сезон, я свой билет за три месяца покупала!» А Юлька кричит: «Отец все имущество тебе оставляет, а ты даже по минимуму о нем позаботиться не можешь!» – «Стоп, – говорю я, – откуда ты знаешь про то, какое он завещание хочет написать?» – «А вот знаю!» Короче, мы с ней поругались, однако я скорей в Москву не бросилась. Это смешно: поезд у меня и так в полдевятого вечера, она мне позволилась в двенадцать. Что может принципиально измениться за это время? Хотя, разумеется, отдых у меня насмарку пошел. Катались мы с друзьями на кораблике по Мойке-Фонтанке, а я только о об отце и думала и ему названивала. А он не отвечал, и мобильник его находился вне зоны доступа, а на домашнем – длинные гудки. Сестра тоже, как потом выяснилось, звонила ему, тайком от Костика, с дачи. И, как назло, телефона никакого из отцовских соседей у меня не было.

– А ваш друг? – перебил я. – Геннадий, как вы говорите?

– Ой, да ну нет! Зачем бы я его еще в это мешать стала?! Они с отцом и не знакомы вовсе!

– Берегли, значит, Геночку своего? – усмехнулся я.

– Можете считать и так, – глаза ее полыхнули подавленным гневом. Я в то время непроизвольно подумал: «А ведь замечательное алиби у Полины Порецкой получается. Она сама в Питере, у нее куча свидетелей – коллеги, друзья, персонал гостиницы. И друг ее Геннадий хоть и в Белокаменной, но ни о чем не ведает, не знает. Но, с другой стороны, если случившееся – *убийство* и в нем замешана *она*, зачем ей вообще было приходить ко мне и прибегать к моим услугам? Спустила бы все на тормозах – самоубийство, значит, самоубийство».

А девушка продолжала свой рассказ:

– Короче говоря, восьмого июня в воскресенье я прибыла в столицу за полночь – получается, это уже понедельник наступил, девятое. Я вызвала, прямо из поезда, такси по сложному маршруту, смоталась к себе домой за ключами, а потом сразу к отцу. Машину отпустила. Поднимаюсь к нему – в квартире свет горит, а его нигде нет и не откликается. Я все комнаты обошла, заглянула в ванную – а он там. В воде. *Под водой*. Весь уже окоченел, и вода остыла.

Слезинки, одна, и вторая, выкатились из ее прекрасных карих глаз.

Она смахнула их.

– Я сразу в «Скорую» позвонила и в полицию. А потом – сестре. Тут все и завертелось: сначала патрульные приехали, потом следователь с оперативником и экспертом... Короче, проводили осмотр места происшествия, меня начали допрашивать... да что мне вам рассказывать, вы, наверное, знаете, как положено?

– Да, я в милиции служил, – кротно отвечивал я. – Еще застал времена милицейские, до перемены вывески.

– В общем, месяц с тех пор прошел, вот вынесли постановление: в возбуждении уголовного дела отказать в связи с самоубийством. В ходе следствия провели судебно-медицинское и судебно-химическое исследование, мне на руки их результаты не дали, но на словах пояснили: смерть, говорят, наступила в ночь с пятницы седьмого июня на субботу восьмого, то есть когда мы с Юлькой еще и думать ни о чем не думали, и отца не хватились. Вот что здесь пишут, в отказном материале: суицид доказывается, во-первых, состоянием бокала из-под шампанского, из которого он пил: на дне и на стенках, помимо алкоголя, содержатся остатки психотропных препаратов, в достаточном количестве, чтобы они сами по себе вызвали летальный исход. Но, кроме того, гражданин Порецкий Игорь Николаевич, после принятия большой дозы антидепрессантов в сочетании с алкоголем, дескать, улегся в ванну, там заснул, в результате чего произошло утопление. Никаких опять-таки следов физического воздействия на тело, как то: травм, ударов, порезов, – не наблюдается. Ну и пишут: в результате опроса гражданок Порецкой и Камышниковой (нас, значит, с Юлькой), гражданина Камышникова Константина Матвеевича (Юлькиного мужа), а также психиатра, доктора медицинских наук, Бобылевой Эл Эм, которая наблюдала потерпевшего, установлено, что он страдал клинической депрессией, что могло послужить причиной самоубийства. Записи с камер наружного наблюдения, а также показания соседей свидетельствуют, что гражданин Порецкий седьмого июня в пятницу прибыл в свою квартиру около двадцати часов вечера в одиночестве, больше из нее не выходил, и никто к нему не являлся. Следовательно – да, он сам себя убил.

Девушка снова изготавилась заплакать – теперь, как мне показалось, не от скорби по папане, а от осознания несправедности, творящейся в мире. Но она покусала верхнюю губу, глубоко вздохнула и сдержалась.

– Вот их версия: пришел отец в пятницу с работы один, около двадцати часов, сильно выпил, шампанского и виски, а потом достал свои лекарства, растворил их в шампусике и улегся в горячую ванну умирать. Да, они и меня допрашивали, и Юльку: а откуда, мол, у отца взяли психотропы? Ну, мы рассказали про его срыв после смерти матери – но ведь с тех пор два года прошло! А следак, оказывается, и психиатриню отцовскую нашел, ее допросил, а нам теперь говорит: что вы хотите, депрессия и суицид очень часто рука об руку ходят. Но в том-то и дело: не было у отца в последнее время никакой депрессии! Мы же с ним общались, я же видела! Тогда, после смерти мамы – да, он явно не в себе был. А теперь – нет, ни капли! И потом: если это самоубийство, он бы написал! Он бы оставил записку нам с Юлькой или хотя бы одной мне, он бы не бросил нас в неведении!

– Чаю хотите? – сочувственно прервал я.

– Да что там чай!

– А я хочу. – Я нажал интерком и попросил Римку сделать две чашки.

– Сочувствую вашему горю, – сказал я, – и понимаю ваше желание в смерти батюшки досконально разобраться. – И добавил осторожно: – Но пока я, честно говоря, не вижу оснований для того, чтобы оспаривать выводы следственного комитета об отказе в возбуждении дела.

А тут и послушная, верная моя Римка явилась – с подносом, где громоздился мой начальнический бокал и изящная чашечка, специально для клиенток, а также конфеточки и сушки. Метнула моя помощница на гостью ревниво-изучающий взгляд, убедилась, что мы тут не снюхиваемся, а занимаемся делом, и удалилась.

– Моя правая рука, – сказал я громко, чтобы и до Римки донеслось, – помогает мне во всем. И вообще, Римма Анатольевна – сложившийся детектив. Вы пейте, пейте. Может, сахару?

– Да что вы! – воскликнула гостья с видом, будто я предложил ей цианистого калия.

Чайная пауза пошла Полине на пользу, слегка утишила страсти, и девушка проговорила рассудительно:

– Расследуйте это дело! Я хочу знать! Дело же не только в отсутствии записки!

– А что еще вас беспокоит?

Она снова заторопилась, стала говорить сумбурно, сбивчиво:

– Я следователю об этом говорила, а он только руками разводит и смеется!.. Во-первых, нигде нет отцовского мобильного. Нигде! В квартире – я все перерыла. Машину его осмотрела: думала, может, он в салоне его забыл или выронил. Я даже на работу ему звонила, чтобы стол его коллеги обыскали, – но и там ведь аппарата нет!

– Отсутствие телефона – это серьезно, – кивнул я и сделал пометку.

– Вот именно! – воскликнула девушка, одушевляясь. – А еще, вы представляете, в квартире у него, в холодильнике, стояла сырная тарелка. И свежеприготовленное блюдо. Ну, скажите: если вы собрались покончить жизнь самоубийством – будете вы сами для себя готовить?

– А с чего вы взяли, что свежее? Может, неделю там простояло?

– У меня, извините, вкусовые и обонятельные рецепторы в порядке. Отец явно именно тогда, в пятницу, кухарничал.

– Он что, любил стряпать?

– Да не так чтобы очень, но временами находило на него, по вдохновению. Вот ключевое слово: «по вдохновению»! То есть когда душа поет и сердце радуется. А радость на душе и суицид – как совместить? Да и потом: с какой стати он стал себе, одному, готовить? В пятницу вечером? После работы? А после этого – с собой кончать?

– А что за блюдо-то Игорь Николаевич состряпал?

Девушка усмехнулась:

– Тушенные в сметане куриные сердечки. Это у отца коронный репертуар. Он четыре-пять блюд освоил, когда еще мама была жива, время от времени их презентовал, чтобы гостей удивить, когда на него стих находил. И это блюдо, куриные сердечки, его коронка. Он рассказывал, что оно – как память о голодном советском детстве: денег в семье не было, и моя бабушка покойная, его мать, часто субпродуктами всю семью потчевала. Бараньи желудки на рынке покупала, мозги коровьи, вымя – всякую такую требуху. Сердечки куриные – из той же обоймы. А у него довольно вкусно получалось. Кроме того, отец биточки из баклажан, бывало, стряпал, салат из креветок с ананасами и яблоками, жареные бананы со шпигом – все необычное, но достаточно простое в готовке, чтобы удивить. А тут – кого, спрашивается, он хотел поразить, если дело обстояло так, как следователь говорит? Значит, пришел один, никого не ждал, сам себе приготовил, поел, выпил – и лег в ванну умирать?

– Может, просто купил в кулинарии да разогрел?

– Я понимаю, что сейчас все, что угодно, купишь, – но такое нигде не видела. Сердечки в сметане! И потом, я знаю его кулинарный почерк. Его это рук дело, и к доктору не ходи.

Стряпня непосредственно перед самоубийством выглядела и впрямь странно, и я сделал в своем блокноте вторую пометку.

– Значит, ваш отец в тот день, в пятницу, поел и выпил. А сколько тарелок на столе стояло? Бокалов?

Полина скривилась.

– В том-то и дело, что одна тарелка. И пустой бокал из-под виски. И еще другой, для шампанского, в ванной комнате, на столике. Но ведь убийца мог замести следы, все вымыть.

– И все-таки факт не в пользу убийства.

– Зато, – с азартом набросилась на меня девушка, – отец прямо в тот вечер, когда его не стало, в пятницу – я чек нашла у него в брюках, смятый, – купил французское шампанское. И нарезку сыров. И фрукты. А шампанского знаете сколько? Шесть бутылок! Шесть! «Дома», извините, «Периньона»! По пять тысяч бутылка, итого на тридцать штук чек – мой отец, конечно, не бедный человек, но зачем ему перед суицидом *столько* шампусика, сразу шесть бутылей?

– Может, чтобы уйти красиво? – глубокомысленно предположил я.

– Упившись шампанским? Пятью литрами в одно лицо? Согласитесь: если предположить, что он в тот вечер, в пятницу, ждал кого-то, к свиданию готовился – тогда и шампанское, и сыр, и собственноручные сердца в сметане – совершенно объяснимы! К свиданке он готовился!

– Много он того шампанского выпил?

– Одна бутылка пустая валялась. И одна – наполовину. Остальные не тронуты.

– А у вашего батюшки женщина после смерти вашей матери была? Любовница?

– Я не знаю. Правда не знаю. Скорей, конечно, да. Но он никогда ни о каких своих дамочках со мной не говорил, никого на семейные наши праздники не приводил и ни с кем нас не знакомил. Но если разобраться, он далеко не старый еще был и хотя мамочку нежно любил, но жизнь-то продолжается, что поделаешь. Я все понимаю, и я бы его новую пассию приняла. Но, повторяю, никого не знаю, не видела, не слышала.

– Вы говорите: следователь установил, что отец вернулся в тот вечер домой в одиночестве?

– Именно.

– Может, к нему забежала на огонек соседка-красотка из его же подъезда?

– Ох! Дом у нас старый, построен в начале пятидесятых, и публика в основном – семьдесят плюс. Хотя многие сдают жилье, конечно. Поэтому я ничего не исключаю.

– А из квартиры ничего не исчезло?

– Мобильник его. И другая странность. Бумажник у отца лежал, где обычно, и карточки его дебетовые-кредитные в целости-сохранности – но налички в портмоне всего триста рублей. Очень на отца не похоже. Очень. Он всегда говорил – да и учил нас, *девочек своих* – как он меня с Юлькой и мать называл: вы всегда должны иметь с собой наличку, мало ли зачем может пригодиться. Хотя бы тысяч пять-десять. А тут вдруг всего три сотни.

И это я пометил как явную улику возможного преступления.

– А разные ценности, что в доме были?

– Драгоценности мамины в порядке, хоть они и не все в сейфе лежали, и сам несгораемый шкаф не тронут, и в нем деньги на месте – папа наличку на черный день откладывал, на случай чего. Все осталось в неприкосновенности. Зато пропало нечто другое. Никто этого не заметил, и ни в какой протокол не записали, но я потом обнаружила. Знаете, у отца исчезла гантель...

– Гантель?

– Да, шестикилограммовая. Всегда у него в спальне лежала.

– Он зарядкой занимался?

– Обычно ходил в спортклуб, три-четыре раза в неделю, – а когда совсем не успевал, дома качался. Так вот, я у отца в квартире где-то недели за две до убийства была, поесть ему

привозила, и вообще, пообщаться, и гантельки обе на месте присутствовали. А теперь вот – одной нет.

Я записал у себя четвертым пунктом наряду с пропажей телефона и наличных и явлением свежеприготовленной еды и элитной выпивки – таинственное исчезновение гантели.

– Есть и еще кое-что... – Порецкая-младшая на секунду задумалась, формулируя. – Знаете, отец продолжал спать на все той же родительской двуспальной кровати. И знаете: она оказалась застелена совершенно свежим бельем, на нем вообще еще никто не почивал!

– Значит, вам кажется, что Игорь Николаевич готовился к интимному визиту?

– А к чему? Шампанское – раз, приготовленное своими руками блюдо – два, свежее белье – три... Явно для гостя старался. А что было дальше, никто ведь не докопался. А похоже, что неизвестная особа пришла к нему, выпили-поели, потом она подсыпала ему отравы и убежала. И вот ведь что: значит, *знала заранее*, что у отца в аптечке антидепрессанты имеются? Значит, они раньше встречались? Близко знакомы были? Или кто-то ей про таблетки подсказал?

– А какой мотив, вы считаете? Ограбление? По почерку похоже, что орудовала разбойница на доверии, проститутка-клофелинщица. Но добыча-то невелика. Сколько кэша ваш отец при себе мог иметь? Тысяч тридцать, пятьдесят?

– Сейчас и за тысячу убивают. Вдобавок мобильник. Айфон последней модели у отца был. Больше ста тысяч стоит. Для какой-нибудь продажной девки, понаехавшей из города Кирова или Коврова, – целое состояние.

– Конечно, Полина, во всем надо разбираться, но судя по тому, что вы рассказываете, похоже, что орудовал чуть ли не профессионал – практически все предусмотрел, не оставил никаких следов. Возможно, это какая-то разборка по бизнесу?

– Однако отец – не хозяин бизнеса, не владелец. По сути, наемный служащий, в госкорпорации.

– А ваш батюшка важный пост занимал? Может, помешал кому-то?

– Пост – важный. Он начальник управления. И в последнее время, насколько я знаю, очень крупный контракт вел – он мне рассказывал, но экивоками, вскользь, однако я понимала, дело нешуточное и счет там на сотни миллионов шел – долларов. Они в тендере на строительство электростанции в одной южноамериканской стране с китайцами мощно зарубились.

– Китайцы как раз, как я знаю, ребята такие, что ради успеха в бизнесе ни перед чем не останавливаются... Как думаете: могли они вашего отца убить?

– Я об этом не думала ни разу, но сейчас, после ваших слов... Отец, знаете, очень интересы нашей Родины отстаивал. Однажды мне говорил – как раз тогда, на тот Новый год с Костином, о котором я рассказывала... Так вот, он подвыпил тридцать первого, пока мы Юльку ждали, и сказал мне: эх, если б не я, мы б давно все то направление – строительство за границей – сдали бы, по ветру пустили. Я в точности, конечно, судить не могу, но у меня такое ощущение, что он жесткий переговорщик был!

– А может, у него в тот день какие-то документы с собой важные имелись? Он над ними дома работал? Или какие-то важные сведения у него в компе или телефоне содержались?

– Вообще-то таскать работу домой – это за отцом водилось. Мамочка еще ему все время пеняла. – Она вздохнула прерывисто и воскликнула: – Вот видите! Вы не то что полиция или комитет расследовательский – сколько сразу версий накидали, а им лишь бы под ковер все замести, и шито-крыто!

Она, наконец, схватила чашку чая, уже сильно подостывшего, и импульсивно выглотала его, чуть ли не залпом.

Я вдруг увидел, как бьется синяя жилка на ее белой, тонкой, худой шее, и вдруг почувствовал к ней тягу. Нормальное такое мужское вожделение. Даже невзирая на некрасивую грудь.

Совершенно некстати. Пришлось сделать усилие и переключить мозг обратно в рабочий режим.

А девушка воскликнула:

– И никто, кстати, не рассматривал версию: доведение до самоубийства! Ведь могло быть, что явилась к отцу некая фря, выпили они, закусили – а потом она вдруг его так обидела, так оскорбила, настолько ранила, что он взял и решил с собой покончить.

– А такое могло быть? В характере ли вашего отца подобная *смертельная* обидчивость?

– По-моему, все зависит от меры обиды. И от количества выпитого.

– Ещё чайку, кстати? Или чего покрепче желаете?

Она остро глянула на меня:

– А вы тут что? Клиентов своих спаиваете?

– Использую спиртное как успокаивающее. Вроде валерианового корня.

– Нет-нет, мне не требуется... Но вы себе пометьте еще одну странность. Или, во всяком случае, то, что заслуживает внимания.

Девушка прикусила палец и сказала, слегка покраснев:

– В ванной, где мой папа лежал... мне показалось... что там плавает... – Длительная пауза и еще более сильное покраснение: – Ну, эта... сперма.

Я не стал разуверять девушку, что ей, во-первых, запросто могло почудиться, а во-вторых, что в момент смерти тело способно исторгать из себя самые разные секреты, и послушно сделал соответствующую пометку в блокноте.

– Скажите, а вы о подозрениях, что мне сейчас изложили, в расследовательском комитете рассказывали?

– Конечно! Не о всех, о тендере-поединке с китайцами не сказала, а о прочем – да. Но они все равно только отмахиваются! Суицид, говорят, и точка!

– Узнаю брата Васю, – усмехнулся я. Усмешка вышла горьковатой. – Я имею в виду нынешних правоохранителей.

– Вот именно! Им лишь бы дело прикрыть!

Я изложил ей все свои кондиции. Она сказала, что готова платить. И тогда я вызвал из предбанника Римку, чтобы поручить ей подготовить договор, а сам перешел к вопросам техническим: как побывать в квартире покойного? Установочные данные и фотки сестры Юлии и мужа ее Костика; имена-фамилии-телефоны друзей отца и его коллег, а также женщины-психиатра, наблюдавшей батюшку.

Наконец, с распечатанным в двух экземплярах договором явилась Римка, и мы с Поречкой-младшей его подписали.

– Если возникнут вопросы, я вам позвоню, – молвил я, на прощание пожимая девушке руку. Невзирая на общую миловидность красотки и жилочку, бьющуюся у нее на шейке, я не сделал ни единой попытки перевести наши отношения в разряд неслужебных. Не знаю, что тому было виной, моя недюжинная воля или замеченные мною изъяны ее телосложения, но факт оставался фактом. Римма Анатольевна вполне могла быть мной довольна. И я сам – тоже.

Когда клиентка ушла, мы с помощницей распределили фронт работ. Я взял себе в разработку свидетелей пола мужского, ей оставил – женского. Но так как день клонился к вечеру, все следственные действия мы перенесли на завтра. И я на своей верной «бэхе» поехал к себе в Новогиреево. Недавно я купил абонемент в новый спортклуб, и пока лето, а значит, нет наплыва, старался свою покупку оправдывать.

Вот и сегодня мы провели спарринг по боксу с моим персональным тренером, а потом я сходил на йогу и поплавал в бассейне. Бокс, как и боевое самбо, учит меня напрягаться и биться. Йога – помогает расслабляться. Бассейн – способствует мыслительному процессу. Домой я вернулся в начале двенадцатого и заснул сном младенца – лучше, чем от стопки водяры.

Жертва № 2

Полтора месяцами ранее

Выследить и убить.

Это для него было нечто новенькое.

По привычке все делать качественно он взял на работе отпуск. Он вообще считал себя перфекционистом. Да и был им, наверное.

И то, на что он подписался, воспринимал как некий челлендж. Вызов.

Его надо принять. И с достоинством выполнить.

Жертва постоянно проживала в дачном поселке. Это отчасти усложняло дело.

Однако при рекогносцировке поселок, слава богу, оказался не из новых – не из тех, что с забором по периметру и охраной. Поселение вело свою историю еще с раннесоветских времен. Огромные участки, соток по тридцать, а то и пятьдесят. За прозрачными заборами – лужайки, сосны до самого неба. Особняки на участках высятся теперь далеко не те, что были в СССР, а новодельные: почти сплошь могучие – каменные, в два-три этажа. С отдельно стоящими домиками для прислуги (или гостей) и гаражами.

С точки зрения его миссии закавыка: на улице не схоронишься, не проследишь за *объектом*. Это вам не Москва. Заборы и улицы – пустынные, на всю длину, до горизонта. Лишь изредка велосипедист проедет или машина, а то поспешит, курсом на электричку, одинокий прохожий да просквозит на старом велосипеде настороженный гастарбайтер.

И нигде не спрятаться, не скрыться. Стоять столбом рядом с коттеджем будущей жертвы не будешь.

В машине сидеть, дежурить – тоже как бельмо на глазу.

И дом соседский ради наблюдения не снимешь. Не город, где тысячи квартир вокруг, на выбор.

Кто из живущих близ потенциальной жертвы захочет вдруг сдать частный особняк на неделю, на две? Сдают обычно на целое лето, и то таких поискать. А если возьмутся расследовать – сразу вопросы: кто снял да зачем. Вот и спалишься.

В раздумьях в первый раз он поехал на место на электричке, чтобы машину свою вблизи *объекта* не светить.

Подготовился: скачал и распечатал план поселка.

Надел бейсболку с длинным козырьком, чтоб пол-лица от возможных камер закрыть.

А когда шел от станции, примечал: есть ли где видеокamеры. И если видел их – исподволь, не надеясь на память, помечал их на плане-схеме. Тогда и разглядел поселок, прошелся мимо *искомого особняка*.

Рядом с особняком *мишени* строился дом. Серые стены из пеноблоков, пустые, без рам и стекол, окна. А рабочих – не видеть.

То ли закончилось у хозяина финансирование. То ли с гастарбайтерами разругался, а новых пока не нашел. То ли работяги на побывку на родину уехали.

Неважно! Главное – недостроенный особняк стоял пустой. И непохоже, что кто-то за ним приглядывает. Правда, вокруг забор высокий, из профнастила – с ходу и не залезешь. Да, полузаброшенный дом. Идеальное место для наблюдения.

Он был уверен, что какой-нибудь спецназовец выбрал бы для засады именно его. Хотя кто их знает, спецназовцев! Чему их там учат. Может, просачиваться через канализацию.

Но он не спецназовец. Обычный человек, в том-то и соль. И не очень у него получится через заборы перемахивать. А потом в недостроенном здании сутками в засаде лежать: ни погреться, ни горячего поест. Опять же рискуя, что в любой момент явится хозяин. Или его верные работники. И что тогда? И *задание* не выполнишь, и засыпешься по-глупому.

Недостройку он в итоге отверг.

Вдобавок в отличие от спецназа он действовал совсем один. Как разведчик в тылу врага. Диверсант. И никто ему не помощник. И не подсказчик. Все приходится – самому.

И тот недостроенный дом он на своем плане все-таки пометил. Может, пригодится?

Погода стояла прекрасная, майская. Цвела и пахла сирень. На участках отцветали тюльпаны, даже днем вдруг принимались петь соловьи. Однако, невзирая на благосклонность климата, на улицах – ни души. Хотя кто знает – может, из-за окон домов за ним кто-то да наблюдает. Поэтому не стал он особо задерживаться возле местожительства *мишени*, осматриваться. Идет человек себе и идет. В гости приехал, шествует от станции к известному ему месту.

От забора будущей жертвы он взял курс по маршруту ее обычных забегов.

По соцсетям он знал, что *мишень* одержима джоггингом. Модно теперь это снова стало: трусцой от инфаркта и прочих болезней большого города, включая ожирение. Как и любая физическая активность вообще.

Да! Будущая жертва без опаски выкладывала в соцсетях свои беговые фоточки, да с геотегами, среди которых непременно – тот самый дачный поселок.

Он изначально все метки изучил – вот селфи ее в тренировочном костюме. Вот маршрут пробежки. Вот, крупным планом любимые кроссовочки на толстоватых ножках.

Ему даже следить за ней не пришлось. Просто проработал заранее постоянно выкладываемые ею в Инстаграм маршруты за последний месяц.

Трассы у *мишени* оказались разные, и по протяженности, и по направлению. Однако он их распечатал, развесил по стенам домашнего кабинета, как в полицейском фильме. (Не забыть только потом, перед самым *делом*, снять их да сжечь!) Стал находить в ее маршрутах общие элементы.

Во-первых, конечно, дом – откуда она выбегала и куда возвращалась. Во-вторых, как правило, бежала девушка в сторону леса. Для начала ей требовалось преодолеть метров семьсот по поселку. Потом – *мишень* бесстрашно вбегала в Лосиный остров и следовала обычно по опушке, направо или налево. Иногда делала какой-нибудь странный зигзаг. Но вот еще один элемент, кроме частного дома, практически во всех ее передвижениях присутствовал: та самая опушка.

Именно к указанной точке, давно помеченной на схеме, направил он свои стопы от особняка *мишени*.

Засек по пути пару видеокамер у въездов на различные участки. Пометил их на плане.

Лучше, как дойдет до дела, чтобы эти камеры его не засветили.

Если честно, слегка напрягало то, что будущая жертва – женщина. Не в смысле уважения или сострадания к слабому полу. Никаких возвышенных чувств он не испытывал, но задумывался: а справится ли? Не дрогнет ли? Не сорвется ли рука? Не пожалеет ли он ее в последний момент? Все-таки убивать ему приходилось в первый раз. (И, надо надеяться, в последний.)

Эти мысли тоже становились частью вызова. Сами раздумья – и их преодоление. Да, трудно *ликвидировать* человека, который лично тебе ничего плохого не сделал. Да и незнаком, в сущности.

Хотя теперь, изучив соцсети *мишени*, он с последним мог бы поспорить.

Он жертву довольно неплохо изучил. Стала она в чем-то ему даже близкой. Так он себе ее и представлял изначально: недалекая, ограниченная, самовлюбленная, капризная. Хотя, конечно, красивая, ухоженная, заботящаяся о себе.

Курица. Блондинка.

Эти все ее постоянные селфи: вот она на тренажерах, вот засасывает морковный сок, вот мучительно колеблется: съесть пирожное или нет.

А ведь не юная крошка уже, серьезно за тридцать. И фигура расплылась. Килограммов пятнадцать лишних точно. Несмотря на все забеги.

Потому что ни хрена не делает. Призвание и образ жизни: жена богатого человека.

Одно это вызывало к ней ненависть. Гадина, ни труда не знает, ни забот. Коптит бесцельно небо. Ну, *ликвидирует* он ее – кому от этого плохо станет? Может, разве что муж заплачет?

Но ох, как правильно советуют сотрудники охранных фирм и детективных бюро: надо выкладывать в Интернет поменьше сведений о себе. Дозировать информацию. Фильтровать. Благодаря соцсетям он и личность будущей жертвы изучил, и ее привычки.

И забеги по лесам – в них самое слабое место.

Остались невыясненными детали. Во-первых, в какое время она все-таки бегают?

Фоточки *мишень* выкладывала обычно по ночам. Когда благоверный вернется в особняк, она его накормит-напоит, потом (наверное) возляжет с ним – и только за полночь проявится в своих фейсбуках-твиттерах-вконтактах-инстаграмах. Но вот когда она бегают *физически*? Утром? Вечером? Среди дня?

Мишень нигде не работала, поэтому могла посвящать джоггингу любое свободное время, все свои двадцать четыре часа в сутки. А вот какое точно – следовало изучить. А заодно и посмотреть: может, какой-то другой ход-поворот для *ликвидации* найдется? Может, инсценировать, к примеру, ограбление? Или даже изнасилование? А что? Проник бешеный гастарбайтер в дом, связал хозяйку, трахнул, задушил. А потом ищи-свищи.

Однако сколь ни соблазнительной выглядела на первый взгляд идея надругаться, да в извращенной форме, над полненькой блондиночкой, он эту идею оставил. Возникнет слишком много следов – чисто физически. Все эти близкие контакты первого рода. Слюна, ворсинки с одежды, всякое такое. Нечего разбрасывать где ни попадя собственную ДНК.

Вдобавок он в себе не был до конца уверен. А вдруг он с ней не справится? Вдруг она – тренированная все-таки женщина, в спортклуб ходит! – засветит ему по голове какой-нибудь сковородкой. И будет ему вместо вечного счастья – бесконечное сидение в камере.

Короче, нет. Следовало быть тщательнее. Тщательнее, как говорил советский сатирик.

Итак: требовалось место, откуда за ней наблюдать. В качестве одного он отверг-таки недостроенный дом. А стоять на улице столбиком – и говорить нечего, будет торчать в этом поселке, как бельмо.

Оставалась машина. Да, собственная. А где он возьмет другую? Но тут тоже требовалось подготовиться.

Вообще все эти вдруг возникшие нехарактерные заботы бодрили, освежали. Привносили – новое, колкое, ознобное. Следовало все предусмотреть и ни в чем не проколоться, не облажаться. Во-первых, он для начала съездил на сервис и сделал на машине тонировку – на задних стеклах, передние не тронул, чтоб дорожная полиция не докапывалась.

Ничего подозрительного в том, что он вдруг решил затонироваться, разумеется, не было. Мало ли почему вдруг чувак надумал. Может, с дамочками решил начать развлекаться прямо в авто, на заднем сиденье.

Второй момент тоже казался ответственным и важным. Он изучил расположение всех дорожных камер Москвы и Подмоскovie – список их как раз очень кстати опубликовали.

Корпел целые сутки, но проложил маршрут. Так, чтобы вовсе без камер, не получилось. На выездах из города видеохищники стоят всюду. Но если он переедет МКАД где-то на востоке, на шоссе Энтузиастов, к примеру, или на западе, допустим, по Ленинградке, а потом вдруг окажется в искомом месте на севере? Ведь это будет норм?

Кто его знает. И ни у кого не спросишь. Не наведешь справки так, чтобы потом не оказаться под подозрением.

Короче, машина – да, тонкий момент. И еще следовало не забыть номера заляпать, чтоб, когда он будет в режиме ожидания – там, на опушке, – никто из соседей или прохожих не заметил.

Слава богу, авто у него неприметное. Не самое выдающееся, и цвет распространенный, черный. Он мог по доходам приобрести себе куда лучше. Да все откладывал.

И вот теперь новый лимузин ему совершенно ни к чему. А то старье, что есть, неожиданно пригодились. Главным образом благодаря своей распространенности и неприметности.

И еще он купил себе нож. Слава богу, легальное в России приобретение. И не надо никакого специального холодного оружия, охотничьего, спецназовского. Тут главное как в науке: не усложнять. Не громоздить, не создавать новых сущностей.

Если судить по уголовной хронике, девяносто процентов убийств в нашей державе совершается обычными кухонными ножами.

Обыкновенно бывает, как пишут в протоколах: *«После совместного распития спиртных напитков на почве вдруг возникших неприязненных отношений гражданин А. нанес своей сожительнице Б. несколько ударов столовым ножом, после чего гражданка Б. скончалась, не приходя в сознание...»*

Вот и он тоже не будет мудрить.

Заехал в «Ашан», который стоял в стороне от его обычных маршрутов и где он никогда в жизни не был, приобрел упаковку пивасика, стиральный порошок и прочие продукты, что в хозяйстве закончились. И ножик до кучи прихватил. Хороший, с удобной ручкой.

Словом, все было готово.

И негоже тогда тянуть, сопли жевать.

Он решил исходить из того, что бегают гражданка утром.

К вечеру, наверное, устает: есть еще спортклуб, тренажеры, морковный сок, продукты, шопинг.

Да и свет на тех ее селфи с пробежек выглядел утренним. Хотя сформулировать, чем утренний свет от вечернего отличается, он не мог. Но все-таки чуял: лучше – утречком.

Телефон свой на дело он, конечно, не взял. Нема дурных. Все знают, как преступников по билингу вычисляют.

Купил подержанный мобильник в переходе у метро станции «ВДНХ» у какого-то небритого. И хоть ходили слухи, что левые сотовые обычно оперативники толкают, он как-то не поверил, что тот чернобровый продавец в переходе – *сотрудник*.

На нем, на том левом телефоне, проложил для себя автомобильный маршрут, ведущий в обход камер.

Приготовил себе бутеры и даже два термоса, с чаем и кофе.

И пару пустых пластиковых бутылей – чтобы отливать, значит. Вдруг жертвы долго не будет. Вдруг не соберется она нынче утром бежать, а решит – вечером.

Или даже на следующий день.

Впрочем, будет ли он ждать в машине нового дня, он пока не решил.

Однако в итоге не пришлось.

Он занял пункт наблюдения в семь тридцать утра. Уставил машину на краю поселка. У трансформаторной подстанции. На пути к опушке.

Ее любимой опушке.

Оглядевшись во все стороны и проверившись по всем трем зеркалам в авто – никто не наблюдает? – выскользнул с шоферского сиденья и перебрался на заднее. Под защиту тонированных стекол.

Теперь если любопытствующие будут проходить мимо, его внутри не заметят, он проверял. Подумают: чувак бросил тачку, отправился в лес – допустим, за ландышами. Или даже за грибами. Говорят, сейчас как раз весенние сморчки пошли.

А в 9.14 (он заметил по часам) появилась она. Трусила не спеша по длинной дачной улице.

Самый модный беговой прикид кислотных цветов, в ушах дорожные беспроводные наушники, на ногах шикарные беговые кроссовки.

И сразу заглохло внутри. И захотелось по-маленькому в туалет.

О черт.

Она пробежала мимо машины, даже не глянув на нее. Вся погружена в себя. И в то, что там у нее, в наушниках.

Чем, интересно, она увлечена? Подкастом? Музыкалкой? Какими-нибудь мотивирующими занятиями?

Появился, кстати, стимул: *когда я убью ее – возьму послушать, что слушала она.*

В свои последние мгновения.

Потом, конечно, придется наушники те ликвидировать. Все равно ведь надо будет разобратся и с *орудием убийства* – ножом, и с левым телефоном.

Итак, *жертва* пробежала мимо. Ничего не заметила, на машину внимания не обратила. Теперь, судя по таймингу, она снова выбежит на опушку в самом лучшем и быстром случае через четверть часа, в долгом и худшем – спустя пятьдесят пять минут.

По-любому следовало действовать.

Он вылез из авто и пошел по ее стопам.

За ним, конечно, могли наблюдать из соседних домов. И это был риск. Однако особняки выглядели спокойными и необитаемыми. Хозяйева либо на работе, либо где-нибудь в теплых краях.

Но он, надежно прикрытый козырьком бейсболки, шел себе и шел. За ней следом.

Как неотвратимая судьба. Как карающий меч.

Но за что он ее карал, он так и не ведал.

И еще смешная мысль пришла в голову: «Жаль, бутербродики с чаем-кофе мне так и не пригодились».

Вот и вход в лесопарк. Ворота на замке, чтоб на авто не въезжали. Заржавленная калитка, распахнутая настежь. Через нее он вошел в лес. Птицы заполошно, по-весеннему гомонили, временами занимались кукушки и откуда-то вдруг пахнуло цветущей черемухой.

Сердце колотилось. В горле пересохло.

Он сошел с тропинки и притаился за деревом.

До момента встречи оставалось недолго.

Паша Синичкин

Привилегия начальника – из всех дел выбирать себе самое вкусненькое. Или вовсе не работать.

Однако, чтобы получить подобные бонусы, руководителю приходится нести тяжелый крест. И главное: уметь убедить подчиненных, что задание, на них возложенное, есть самое важное, нужное, почетное, перспективное и интересное.

Короче, когда мы вчера после ухода Полины Порецкой обсуждали с Римкой, кому что делать завтра, я впарил помощнице то, что подальше и посложнее. А затем сумел расцветить оба этих задания всеми возможными радужными красками и блесками. Короче, ей я поручил съездить к Юлии Игоревне, старшей сестре нашей заявительницы, а также к даме-психиатрине, пользовавшей потерпевшего. Себе же выбрал давнего, еще со студенческой скамьи, друга убитого и его ближайшего коллегу (на обоих указала мне Полина). Я созвонился с тем и другим, и, приятно совпало, оба без тягомотины и экивоков согласились со мной встретиться.

Первого контрагента, однокурсника погибшего, звали Юрий Аболдин, я пробил его по всем возможным базам и соцсетям. Ровесник погибшего, он трудился в компании с труднопроизносимым названием. Она счастливо располагалась в одной остановке от моего дома, поэтому мы встретились в его обеденный перерыв. Близ метро, станции «Перово», я назначил ему стрелку в кафе «Медведица».

За прошедшие сутки я нашел в инете пару изображений погибшего Порецкого и его дружанов. Следует признать, что покойный выглядел более преуспевающим, чем мой нынешний контрагент. Вот что значит большие деньги – хотя они не уберегли Игоря Николаевича от смерти, а, скорее, к ней его и привели. Аболдин, его ровесник, был весь седой, изможденный, перепачканный морщинами, согбенный. Так как они однокурсники, он тоже шестьдесят пятого года рождения. Значит, институт оба окончили в восемьдесят восьмом, когда налаженная и накатанная советская жизнь начинала рушиться. И чего им, верно, только не довелось перенести! И перестройку с голыми полками, и девяностые с бандосами на «мерсах» – поневоле посочувствуешь.

– Вы представились частным детективом, – сказал Аболдин, уписывая вставными челюстями мясо по-французски, – и какие аспекты вы изучаете?

Мой принцип: если можно что-то НЕ скрывать, быть откровенным, поэтому я сказал:

– Меня наняла Полина, дочь покойного. Ей сомнительно, что Порецкий покончил жизнь самоубийством.

– Понимаю, что ей трудно смириться, но официальная версия походит на истину.

– Вы в нее верите, в официальную?

– Ни минуты не сомневаюсь, – безапелляционно высказался мой визави.

– А почему?

– Во-первых, смерть Леночки – я имею в виду покойную жену Игоря – здорово его подкосила. А потом – ведь он болел.

– Ну, да, мне говорили: депрессия.

– Это блажь, – Аболдин пренебрежительно отмахнулся, – просто Порецкий очень по Ленке грустил. Мы учились вместе. Хорошая была девчонка. – Он поправился: – Девушка, женщина. Они на последнем курсе поженились. Всю жизнь вместе. Конечно, он тосковал. Но сейчас дело в другом! Два года прошло, как ее не стало, и он выправился. Время лечит. Но тут его жизнь снова подкосила.

– А что случилось?

– А вам дочь его ничего не говорила?

– А должна была?

– Я не знаю. Может, он от них скрывал?

– Скрывал – что?

– Да, может, и от них таил... А мне проболтался. По пьяни. Короче, позвонил однажды, месяца три назад дело было, и говорит: Юрок, а давай мы с тобой напьемся. Но голос невеселый. Я говорю: ну, давай. Только одни (говорит он), без кастрюлек твоих (так он моих домашних называл: жену, тещу, дочек). Короче, встретились мы с ним в баре, неподалеку от его работы, в центре. Ну, наклюкались – как в студенческие годы, только более качественными напитками по сравнению с теми временами. Да! Помню, мы с Игоряхой на картошке на первом курсе «андроповку» хлестали с черняшкой и килькой в томате – телогрейку подстелили, на поляне, в лесу, потом еще дождь пошел... Вспомнили в тот раз и эту пьянку... Только он смурной был, а когда расслабились, он мне говорит: «А знаешь, Юрец, я ведь тью-тью». – «В каком смысле?» – спрашиваю. «Плохо у меня со здоровьем». – «А что такое?» – «Не буду тебя грузить заумными названиями, но у меня последняя стадия. Осталось, – говорит, – недолго. Сейчас ведь все в Сети можно прочесть. А у меня скоро терминальная начнется, и это мрак. Полгода, максимум год, а последние месяцы – вообще врагу не пожелаешь, лучше сразу сдохнуть». Вот мы с ним и поговорили, попили-погуляли!.. Я, конечно, стал его убеждать, что любые врачи ошибаются, и начал уговаривать, чтобы он диагноз свой за границей подтвердил и туда поехал лечиться, да он только отмахивался. Короче, наклюкались мы изрядно, разъехались, не помню как, на такси. А когда я услышал о его самоубийстве, ничуть не удивился.

– И вы с ним после той беседы больше не виделись? Не разговаривали?

– Видеться не виделись, но я ему раза два звонил. Однажды он был занят и совсем не расположен беседовать, а в другой раз на мой прямой вопрос о болезни сказал, что не хочет эту тему обсуждать.

– Значит, вы считаете, что толчком для суицида Порецкого стало то, что он знал, что обречен, и не хотел мучиться.

К тому времени Аболдин покончил со вторым и прихлебывал чаек. Выслушав мою формулировку, он воздел узловатый указательный палец с длинным ногтем и изрек:

– Абсолютно центрально замечено.

– А скажите, после смерти горячо любимой жены у Порецкого женщины были?

– Никогда с ним эту тему не обсуждали. Никогда. Но, я думаю, Игорек ведь нестарым еще человеком был, особенно по нынешним временам – почему нет? Кто б его осудил?

– Мог он пользоваться услугами проституток?

– Откуда я знаю! Игорь со мной не делился. Да и вообще мужики проститутками редко хвастаются, разве нет? А Игоряха точно был не из болтунов.

– А в самый последний раз – когда с ним разговаривали?

– Недели за две до его гибели, я ему звонил.

– И как он вам показался?

– Обычный, спокойный, уверенный в себе. Но куда-то он торопился, поэтому нормального разговора не получилось.

Засим мы распрощались, и Юрий Аболдин поскакал (как он сам выразился) на службу.

Я взял себе еще чашечку эспresso и прямо из кафе позвонил заказчице. Она не ответила, и я ничтоже сумняшеся написал ей по ватсапу: «Вы знали, что ваш отец смертельно болен?»

Потом набрал Римку, которая как раз должна была ехать к сестре клиентки – той самой Юльке, обремененной годовалым сыночком. Попросил, чтобы она задала старшей сестре тот же вопрос о неизлечимом заболевании папаши.

– Да-да, спрошу, – досадливо буркнула моя замечательная помощница и отключилась.

А тут и Полина Порецкая мне перезвонила и начала расспрашивать, с чего я взял, что отец был смертельно болен. Я объяснил, а она в ответ принялась уверять, что это ошибка и она ни о каком смертельном диагнозе не слыхивала:

– И по результатам вскрытия ничего подобного не сказали! Откуда Аболдин эту инфу взял? Неужели отец и вправду болел? И на вскрытии не заметили? – А потом растерянно протянула: – Но если так, становится понятно, почему он вдруг со мной о завещании заговорил...

Мне захотелось назидательно заметить девушке, что лучше при жизни интересоваться здоровьем собственного родителя, чем посмертно заказывать дорогостоящий частный сыск, однако я сдержался.

Клиентов все-таки надо беречь, а не то они совсем разбегутся.

Жертва № 2

На полтора месяца ранее

Когда *мишень* трусцой выбежала из-за поворота – полная, раскрасневшаяся и почти веселая, в своих огромных и дорогих беспроводных наушниках, в кислотном костюмчике, модных кроссовочках, – он вышел из-за дерева и решительно двинулся к ней навстречу.

Еще можно было отыграть назад. Точнее, сделать вид, что он – случайный прохожий. И просто пройти мимо.

В ее лице при виде его что-то встрепенулось. Испугалась. Страшно, конечно: бежишь по хорошо знакомому лесу, а тут навстречу странный чувак.

Однако *жертва* продолжала трусить навстречу, надеясь, видимо – как всегда надеются все люди, – на лучшее.

Но лучшего не случилось.

И он не дрогнул – за что потом сам себя хвалил.

Она соступила с тропинки, желая обогнуть его – раз он такой невежа. Однако он как раз выхватил из внутреннего кармана ветровки нож. Тот самый, купленный в незнакомом «Ашане».

Мишень не успела испугаться. И даже, наверное, не поняла, что происходит, когда он вонзил нож ей в живот. Она как бы наткнулась на него в своем беге. Это получилось просто. *Очень просто.*

Как в игре. Да это, в сущности, и была игра.

Брызнула кровь. Он выдернул нож и отступил.словно тореадор от набегающего быка.

Она по инерции пробежала мимо и начала заваливаться, будто получила подножку.

Наконец, пробежав, вихляясь и качаясь, словно пьяная, метров семь, стала падать. Лицом вниз.

Кажется, она так и не поняла, что случилось.

Она рухнула ничком – лицом в землю, в траву. Потом стала ворочаться и с усилием повернулась навзничь, лицом к убийце. Глаза моргали, смотрели удивленно.

Он так и не узнал, слышала ли она его, когда произносил условленную фразу: «Ты сама этого хотела».

Потом он, как и собирался, снял с ее головы наушники и услышал, что она внимала, оказывается, новому альбому группы «Тул». Многие с-понт-интеллектуалы сейчас по нему с ума сходят – о, новый виток психоделического рока. Хм, у нее, оказывается, хороший вкус. *Был хороший вкус.*

Подходящая музыка, чтобы умирать.

Увидев или почувствовав, что он снял с нее наушники, она дернулась. И даже оперлась рукой, пытаясь подняться. Наверное, вообразила, глупая, что это – банальное ограбление. И еще не додумалась, что ее убивают.

Но встать она, конечно, не смогла. Ноги подогнулись, и она снова упала. Прямо к его ногам.

И тогда он нагнулся и ударил ее ножом в сонную артерию.

После того как все было кончено, для него самым главным стало не запаниковать.

А паника подступала.

В какой-то момент, стоя над окровавленным трупом, он потерял контроль над собой. Захотелось заорать и понестись прочь куда глаза глядят. Казалось: вот-вот набегут, схватят, заломят, потащат.

Но нет, никто не собирался пока его арестовывать. Никто ничего не видел. Только кроны сосен в вышине шумели.

Он подышал по йоговской системе: глубокий вдох, задержка, выдох. Сердце успокоилось, паника схлынула.

Надо было поскорее убираться. Да, уходить, и быстро, однако ни в коем случае не суетясь. И тщательно все продумывая.

Крови оказалось много, очень много. Но, главное, когда она хлынула из артерии, он в ней не испачкался. Знал, как оно примерно будет – фонтан! – и отпрыгнул в сторону.

Он схватил труп за ноги и потащил в сторону с дорожки, в кусты. Тело оказалось тяжелым, слишком тяжелым. На траве от него оставался кровавый след.

Конечно, останки найдут. Начнут искать пропавшую – наверное, сегодня же вечером, когда муж вернется с работы. А то и раньше, днем.

И обнаружат, наверное, быстро. Если он сообразил, в каком месте на нее напасть – сопоставив треки, где она обычно бежит, – дойдет и до мужа, и до полиции. Не дураки.

Однако ему лучше, конечно, чтобы ее не нашли *сразу*. Пока следы еще не остыли. Пока он еще тут.

Ее ноги сквозь тренировочные оставались теплыми.

Он доволок тело до кустов. По траве протянулась кровавая полоса. И на месте смерти – яркая лужа.

Но с тропинки труп вроде будет не видно. Да, найдут, конечно, но, верно, не случайный прохожий. Хорошо бы, если не случайный прохожий.

Здесь же, в леске, он снял с себя верхнюю одежду. И брюки тоже. На брючинах нашлась пара красных точек. Он все-таки испачкался.

Под брюки он поддел сегодня спортивные штаны. Жарко было, конечно. Но чего не сделаешь ради того, чтоб не оставить улики.

Он засунул одежду в прихваченный с собой полиэтиленовый пакет. Туда же бросил нож и ее наушники. Вот зачем, спрашивается, снял их с нее? Мальчишество какое-то. На подобном и сыплются.

Никакой жалости к убитой он не испытывал. Только азарт. И удовлетворение, как в компьютерной игре, когда прошел очередную миссию.

Теперь оставалось сделать так, чтобы его никто не засек *во время отхода*. До машины от опушки идти минут семь. Из них минуты две – мимо особняков. Сто двадцать секунд. По закону подлости его увидят. Или кто-нибудь ему встретится.

Нет, лучше не думать, чтоб не накликать. Лучше иначе: кто-то *может* встретиться. И, конечно, потом, задним числом, когда выяснится, что произошло убийство, этот свидетель вспомнит чувака, который выходил из леса с черным полиэтиленом в руках. Да, вспомнит. Или, *возможно*, вспомнит. И с определенной вероятностью *придет в полицию*. А может, и не придет. Полицаев у нас не любят и дел с ними стараются не иметь.

Поэтому он пошел, очень быстро и не глядя по сторонам, поглубже надвинув на лоб бейсболку.

Вот выход из леса. Покореженные, проржавелые ворота, перекрывающие тропу. Особняки на краю у леса стоят угрюмо, нахочленно, посматривают, как кажется, пустыми, безжизненными стеклами. Но вдруг за ними кто-то прячется? Высматривает, подмечает?

Нет, вздор. Никого там нет. А даже если его вдруг заметят – и что?

В самом худшем случае – явятся со временем в ментовку, скажут: «Я видел(а) в день убийства, как из леса выходил гражданин с пакетом в руке». – «Опишите вышеозначенного гражданина». – «Лица я не видел, но черная бейсболка, черная майка и черные спортивные штаны». И всё.

Ищи-свищи. Сколько тысяч или даже сотен тысяч чуваков в столице и в области носят черные бейсболки и черные майки? Как в старинной песенке пелось: «В Москве сотни тысяч, чьи брови взлетят, и полмиллиона курносых»³.

Когда он шел по окольной улице поселка по направлению к своему лимузину, вдруг откуда-то залаяла собака. Он чуть не подпрыгнул. Она разорвалась где-то за оградой, захлебывалась лаем. Надо же, именно сейчас! Когда он шел *на дело*, к лесу, ее слышно не было. Черт! И без этой тявкалки нервы звенят, как струны.

И вдруг – надо же такому негодяйству случиться! – навстречу ему шествует кто-то. Женщина. Пенсионерка. В чудной кокетливой шляпке, что особенно странно для дачи. Полусумасшедшая – как многие старички, что проживают в загородных поселках, да еще у леса. Особенно если одинокие.

Он поравнялся с ней. Старательно глядел в сторону от нее. Не след, чтобы она заметила лицо. И услышала голос.

Слава богу, в российских, бывших советских поселках не принято ни с кем здороваться. Не Германия, чай, не Америка.

Но дама ласково, любезно протянула, растягивая гласные и указывая на пакет:

– Грибкiiiiи пошли-и?

Он сначала даже не понял, о чем она. Потом выдавил, старательно отворачиваясь:

– Да, сморчков набрал.

– Ой, а мооожно посмотре-еть? – с приветливым любопытством нацелилась она к пакету.

– Нельзя! – грубо оборвал он и переложил ношу в другую руку, от дамочки подальше.

А что он ей еще мог ответить? «Пожалуйста, смотрите, тут у меня, в пакете, окровавленная одежда и нож»?

Пенсионерка опешила, а он стремительно пошел подальше от нее.

Наконец скользнул в машину. Он не видел и не чувствовал, смотрит ли тетушка ему вслед. Лучше бы нет.

Темная иномарка, пусть и с заляпанными номерами, – улика посерьезней. Поэтому он рывком открыл водительскую дверцу, бросил мешок с вещдоками на пассажирское сиденье рядом. Только тут, в зеркала заднего вида, заметил: дама в шляпке вслед ему не глядит. Шествует себе в сторону опушки. Не дай бог, прямо сейчас увидит кровь, полицию вызовет. Ай-ай-ай. Надо скорее валить.

Он сорвался с места и проехал по дачной улице метров триста. Женщина так и не оглянулась ему вслед. Слава богу.

Перед выездом на межпоселковую дорогу он еще раз тормознул. Снял с ног одни кроссовки, переобулся в другие. Те, что побывали на месте убийства, сунул все в тот же пакет. Туда же полетели и перчатки, которые до сих пор оставались на руках.

Он вышел из авто и переложил мешок в багажник. *Пакет с уликами.*

Держать его в машине было опасно. Сейчас остановят, обыщут. Окровавленная одежда, нож. Тут не отвертеться. На минуту вновь нахлынула паника. Выбросить! Просто выкинуть в мусорный контейнер! Или прямо на улицу!

Нет, нельзя! На одежде и ноже и ее кровь, и его ДНК. С нынешними методами криминалистики их немедленно свяжут друг с другом. Оставить пакет – выдать ордер на собственный арест. Подписать себе будущий приговор.

Преодолевая паническую атаку, он завел мотор, поехал. В движении стало легче.

В навигаторе он заранее проложил маршрут до собственной дачи. Опять по возможности в обход камер.

³ Неточная цитата. Правильно: «Сто тысяч девчонок, чьи брови взлетят, и полмиллиона курносых». Стихи Владимира Лифшица.

Получалось в целом очень удобно.

– Где вы были шестнадцатого мая сего года?

– Ммм, дайте вспомнить. Да, это был четверг, я не работал и поехал с утра на дачу. Да, на собственную дачу.

– Во сколько конкретно вы выехали?

– О, очень рано. Еще и шести не было.

– А когда на место прибыли?

– Часов около десяти.

– И что же так долго? Какое расстояние между вашей квартирой и дачей? Километров тридцать, сорок?

– Я немного покатался. Заехал в «Макдоналдс», перекусил. И что-то меня сон одолел. Заехал в лесок да покемарил минут сорок прямо в машине.

И пусть доказывают.

Главное – ведь его с покойницей ровным счетом ничего не связывает.

Всегда для убийства важен мотив. А у него мотива нет. Отсутствует как класс.

Однако пока он ехал, толкался по подмосковным пробкам, все равно временами накатывало. А вдруг все-таки его тормознут? И машину досмотрят? Нет, этого нельзя будет допускать ни в коем случае, грудью лечь поперек багажника, ордер на обыск требовать. А вдруг уже нашли труп? Та самая бабка в шляпке обнаружила и теперь звонит во все колокола?

Когда спустя час он наконец добрался до дачи, то немедленно, едва успев загнать авто в гараж, достал вещдоки, развел в бочке огонь. В бочке он заранее, еще в выходные, приготовил нарубленные сухие сучья. И даже позаботился тогда же накрыть их сверху фанеркой от дождя. Восхитился сам собой: «Какой я предусмотрительный!»

Огонь разгорелся довольно быстро. Он бросил в него пакет с одеждой и наушниками. И «левый» телефон.

Жаль, немного повоняет пластиком, вызывая недовольствие соседей.

Соседи у него – борцы за экологию. Да он и сам терпеть не может, когда пластик жгут. Но чего не сделаешь, чтобы избавиться от улики.

– А что это, не от вас ли дымом вчера воняло?

– От меня, батенька, от меня. Представляете, сучья сухие жег, да выронил по ошибке пустую пластиковую бутылку в огонь. И воняет, а вытащить горячо. Пока за водой бегал, она и прогорела.

Впрочем, что планировать! Всего все равно не предусмотреть.

Надо просто быть готовым к любой неожиданности. И не зевать.

Он ушел в дом, сделал себе двойной – нет, даже тройной бурбон со льдом. Стал попивать, прихлебывать.

Вещи скоро прогорели. В горе углей и золы осталось лишь лезвие ножа. Лучшее – враг хорошего, и он не собирался его доставать и куда-то прятать: закапывать, топить. Все равно огонь, скорее всего, уничтожил на лезвии остатки чужого ДНК, да и его собственные – тоже.

Римма

Римма ехала на дачу к Юлии Игоревне Камышниковой, в девичестве Порецкой, будучи в раздрае и полнейшем недовольстве собой. Что получается, думала она. Столько лет она убила на этого несчастного Пашу Синичкина, исполняла роль девочки на побегушках, подай-принеси-унеси, и вот теперь, аллилуйя, наконец, дослужилась до собственных заданий. Итак: ей поручено съездить на дачу, опросить свидетельницу. А дальше? А завтра? Так и прикажете ей бегать за Пашкой – и одновременно по его поручениям? Никакой доли в бизнесе Синичкин не предлагает, да и под венец больше не зовет. Хватит, прожили они вместе едва ли не год и разбежались, достал он ее – и, как она тогда полагала, расплевались навсегда, на веки вечные. Но нет! Прошел год в разлуке, и такая тоска обуяла, что не стерпеть, и снова ее потянуло – и к работе, сыску несчастному, и, главное, к Пашке. И как итог: опять она оказалась на тех же позициях, что и много лет назад, когда желторотой студенткой впервые постучалась в дверь с распечатанной на принтере табличкой «Детективное агентство “ПАВЕЛ”». И в результате окончила заочно юридический, а психологию любимую забросила. Второе – карьере не сделала, гением сыска не стала, собственное дело не открыла; и, наконец, третье – мужем или хотя бы постоянным бойфрендом не обзавелась. А ей ведь уже за тридцать, и часики, как говорится, не просто тикают – бьют набатным.

Может, вся штука заключается в том, что присушил, приворожил ее Пашка? И с ним тесно – но врозь настолько скучно, хоть плачь! И все ее побочные романы мимолетные – только суррогат, тоска, замена настоящей страсти, которую может дать Пашуля? А он, чудило, не понимает, ревнует, бесится – но ведь тоже от себя ее далеко не отпускает, не прогоняет, не увольняет. Хотя после той истории, когда дурак Нурлан с тюльпанчиками явился к ней в столицу чуть ли не свататься⁴, она уверена была, что Синичкин пошлет ее далеко и надолго. Но нет, сначала держал ледяную паузу, а потом свел их отношения к взаимовыгодному сотрудничеству. Хотя, может, в этот раз честней было бы покончить с их затянувшимися отношениями.

В общем, в сильнейшей неудовлетворенности самой собой и своим положением пребывала Римма – а тут еще работай!

Она специально поехала на дачу к Юлии Игоревне на электричке – на мир и смерть красна, может, хоть пассажиры своим видом и рассказами ее развлекут. Но от себя не убежишь – сидела, уткнувшись в окно, а попутчики, как и бесконечные корабейники, впаривающие свой нехитрый товар, от пластыря до шариковых ручек, только раздражали. А когда слабоголый, но чувствительный дед-гитарист с седыми длинными волосами, какой-то недомерший «каэспешник», спел старинную песенку: «Ты у меня одна», – она чуть не разрыдалась и сунула ему в сумочку целый столик.

А тут и Пашка позвонил – но, как водится в последние времена, строго по делу: просил выяснить, знала ли Юлия Камышникова – Порецкая – о смертельной болезни отца.

Наконец, дотащились до искомой станции. Отсюда еще пару километров по проселку трюхать – хорошо хоть пешком, не надо на автобус или маршрутку перегружаться. А она уже опаздывала – эта фря, Юлия свет Игоревна, назидательно приказала: «Приезжайте строго к двум, пока *мы* спим», – имея в виду под «мы» своего грудничка сопливого.

Правда, едва Римма вышла на проселок, как тормознула рядом с ней женщина на «Киа Рио» – старая-престарая, под восемьдесят, а туда же, рулит. Высунулась с водительского сиденья, спросила бархатным преподавательским тембром:

- Девушка, вы в Малинники путь держите?
- Конечно.

⁴ Читайте об этом в романе Литвиновых «Брат ответит».

– Подвезти?

– Буду премного благодарна.

– Садитесь. Денег не возьму, считайте, благотворительность. – А когда Римма на пассажирском сиденье устроилась, полюбопытствовала: – А вы к кому следуете? Да налегке? К нам тут без сумок с продуктами редко ходят, магазина нет.

– К Камышниковым я. К Юлии Игоревне.

– В гости?

– Нет, по работе.

– Да? Какая ж у Юльки-то работа, сынуле едва годик минул?

– Так она и не работает. Работать с ней буду я.

– Да? И по какому, если не секрет, вопросу вы к Камышниковой?

Конечно, в клиентском договоре у них с Пашкой значилось, что обстоятельства дела являются строго конфиденциальными, включая даже сам факт обращения заказчика в сыскное агентство. Но в то же время соглашение давало им право опрашивать граждан об обстоятельствах события, по случаю коего их наняли. Поэтому Римма не видела большой беды в том, чтобы сказать соседке правду – вдруг та какой информацией владеет?

Римма и выложила все как есть. Мол, она частный детектив, расследует гибель отца Юлии Игоревны.

– Да, слышала я, что они отца схоронили. Но ведь он, говорят, с собой покончил?

– Младшая дочь, Полина, так не считает. А вы его самого-то, Игоря Николаевича Порецкого, знавали? – завязывался между ними непринужденный, практически соседский разговор.

– Нет, даже и не видела никогда. Он, по-моему, сюда и не приезжал ни разу. Ведь Камышниковы эту дачу снимают, и не так давно, второе лето. А у Порецкого-старшего, говорят, своя загородная недвижимость имелась, и со всеми, что называется, пирогами. Однако туда Юльку с Костиком не зовут, потому как зять там явно ко двору не пришелся.

Дама аккуратно рулила по проселку, умело объезжая ямы, и не переставала рассказывать. Римма возблагодарила небо, которое дало ей одновременно и средство передвижения, и источник информации.

– А вы откуда знаете, что Константин с Игорем Николаевичем не ладили, раз старший Порецкий даже не приезжал сюда? Юля рассказывала?

– Да и Костик отзывался о тесте крайне скептически. Он такой, знаете ли, парень не промах – зять из тех, что любит взять. И, конечно, выказывал недовольство тем, что у тестя прекрасная трехэтажная дача, однако он молодую семью с внучком-младенцем игнорирует, а им приходится ютиться здесь, на шести сотках, и туалет с душем на улице.

– А вы не помните, кстати: восьмого июня, в пятницу, и на следующий день, в субботу, девятого, Юлия и Костик что делали?

– Восьмого июня, говорите? Это как раз когда Голунова за наркотики арестовали? И демонстрации начались?

Римма за политикой не следила, но порылась в памяти:

– Да, те выходные, что как раз перед двенадцатым июня были.

Дама слегка задумалась, а потом высказалась:

– Юлька все время на даче была, с Матвейкой. А Костик – в Москве, работал. Я еще Юлю спрашивала, когда муж появится. А она отмахнулась: сказал, что поздно. И в ту ночь, с пятницы на субботу, приехал он только под утро – я не спала, знаете ли, старческий сон недолог, в окошко выглянула, около пяти утра было, уже солнце встало – а он как раз подкатывает, ворота открывает. Точно, в ночь на субботу девятого июня дело было.

«Значит, если Порецкого убили, – подумала Римма, – у Костика хватило времени замести следы и добраться до дачи».

Он ей как-то априори не нравился, этот Костик.

Они подъехали к воротам, ведущим на дачные участки, которые никем не охранялись, Римма вышла, открыла их, а потом затворила.

Дачный поселок оказался из разряда беспонтовых. Наделы по шесть соток, бревенчатые избы, дощатые веранды. Газа нет. За заборами наливаются яблони. Деловито трусит впереди машины бездомная собачонка.

Водительница остановилась.

– Вот дом, что Камышниковы снимают, – кивнула через улицу. – А я здесь живу, напротив. Если будут еще вопросы, милости просим. О, как неожиданно в рифму получилось: «вопросы – милости просим».

– Большое спасибо, что подвезли.

Римма была благодарна шоферше с ее старческой болтливостью и ригидностью.

Она спросила ее телефон и выманила разрешение позвонить, если вдруг понадобится. Тепло попрощалась со старушкой и помогла ей раскрыть ворота, ведущие к ней на усадьбу. Потом перешла через усталую летней пылью улицу и подошла к калитке напротив.

Бревенчатый старый дом с наличниками украшали довольно новая терраска и высокое крыльцо. Подле крыльца стояла детская коляска. В ней самозабвенно дрых младенец. Рядом были вкопаны деревянный стол и лавочка, на которой сидел, уткнувшись в телефон, довольно молодой парень с залысинами.

Чтобы не разбудить ребеночка, Римма сама отомкнула калитку и подошла ближе.

Парень поднял на нее лицо, затуманенное виртуальными битвами, и неприязненно буркнул:

– Вы кто?

Выглядел он не слишком любезным: маленькие колючие глазки, залысины, тонкие губы. Огромные кулаки, татуировка на левом предплечье: языки синего пламени.

– Я к Юле, – кротко молвила девушка-детектив. – Мы договорились о встрече. Она дома?

– Зачем она вам?

Римма не стала скрывать:

– Я из сыскаго агентства, и мы расследуем обстоятельства смерти вашего тестя, Игоря Николаевича Порецкого.

– Да? Разве он не сам себя? – Костик сделал неприятный жест, вроде как по шее полоснул, и глаза закатил.

– Ваша свояченица, Полина, считает, что нет.

– И вы, что же, – парень делано усмехнулся, – подозреваете нас?

– А надо? – Римма, не отрываясь, уставилась в его переносье, и мужчина не выдержал, отвел глаза. – Да, кстати, о подозрениях: а вы где были той ночью, когда умер ваш тесть? С пятницы седьмого на субботу восьмое июня?

– Вообще это не ваше дело, и я вас сюда не звал – вынюхивать и выслеживать.

– Почему бы вам не ответить, если вы не занимались ничем предосудительным? – кротко проговорила Римма.

– Не собираюсь я тут перед вами исповедоваться! Ишь, нашлась следовательница!

Парень резко вскочил и с криком: «Юля, Юля!» – бросился в дом. От возгласа дитяtko в коляске, ангельски спавшее, сердито заворочалось, сморщило носик и собралось уже заплакать. Римкины материнские инстинкты сработали неожиданно быстро, она запричитала тихонечко: «Тш-тш-тш» – и принялась качать коляску. Ребеночек сделал еще две-три крайне недovolные гримасы, но глаз не открыл и снова отлетел в глубокий сон.

Костик больше не появлялся, однако по ступенькам крыльца спустилась гранд-дама – наверняка сама Юлия Игоревна. Она была похожа на свою младшую сестру, однако выглядела старше ее не на семь лет, как по метрикам, а на все семнадцать. И при том была на целую голову выше и килограммов на тридцать солидней. Могучие руки, огромные бедра, налитая грудь. Не

говоря ни слова, она перехватила у Римки рычаги управления – то бишь ручку коляски – и сделала пару-тройку мощных качаний, чтобы загнать свое чадо в более глубокий сон.

Римма попросила ее присесть и рассказать подробней об отце.

Юля уселась на лавочку и в принципе поведала то же, что и младшая сестра вчера: смерть матери, глубокая депрессия, постепенное счастливое возвращение к активной жизни.

Осведомилась девушка-сыщик и о том, не появилась ли в жизни отца другая женщина, – ответ оказался отрицательным. Спросила, знает ли Юлия о смертельном заболевании родителя – та поражено воскликнула:

– Никогда не слышала! Кто это вам сказал?! Откуда информация?!

А потом началось интересное. Римка осведомилась, правда ли, что ее покойный отец не любил мужа Костю (и наоборот). Молодая толстуха начала юлить в стиле «нельзя не сознаться, но и нельзя не признаться»:

– Я бы не назвала их отношения идеальными, но, в то же время они оба всегда сохраняли рамки приличия... – и всякое такое бла-бла-бла.

– А ссора на прошлый Новый год?

– О, *она* и про это вам поведала! Я вам скажу так: чего только не бывает в семьях. Люди ссорятся, потом мирятся.

– Так, значит, ваш Константин и Игорь Николаевич впоследствии примирились?

– Можно считать, что так.

– А где были вы лично в ночь смерти вашего батюшки?

– Где я могу быть! Здесь, на даче, с Матвеем.

– А супруг ваш Костик?

– Тоже.

– Да? А говорят, он в тот день, а именно восьмого июня в субботу, появился здесь лишь под утро.

И тут внутри дома что-то загрохотало, загремело, обрушилось – и на крыльцо выскочил Костик. В руках он держал ружье. Натурально – одноствольную винтовку. Дуло он направил прямо в лоб Римме, руки его от злости тряслись. Девушка в панике приподнялась, прикрывая лицо и грудь сумочкой.

– А ну пошла вон отсюда! – звонящим голосом обрушился на гостью Костик. – Явилась тут! Вынюхивает, высматривает! А ну убирайся! Немедленно!

– Костя, тише, тише! Ты Матвея разбудишь! – Однако в словах Юлии Римка не заметила ни противления столь нелепой и дикой выходке супруга, ни осуждения – напротив, звучала в них затаенная гордость по отношению к столь лихому рубаке.

– Это нападение, – спокойно, насколько могла, сказала частный детектив. – Я сейчас полицию вызову.

– Вы незаконно вторглись на наш участок! – заорал вооруженный муж. – Вы нарушили неприкосновенность нашей собственности! Я могу стрелять без предупреждения!

Тут от воплей отца пробудился, наконец, малыш и, в свою очередь, тоже заорал.

Римма подхватила сумочку и боком, не спуская глаз с наставленного на нее ружья, кинулась к калитке. Растворила ее – и буквально бросилась наутек.

Пробежала без оглядки целую улицу, а когда миновала въездные ворота, выхватила телефон – звонить в полицию. Пусть накажут мерзавца, пусть хотя бы проверят: есть ли у него разрешение на оружие?! Надлежащим ли образом он его хранит?! В сейфе? В каком сейфе?! Откуда в съемной избе сейф?! Но потом здраво подумала: пока участковый сюда доедет (плюс два часа как минимум), да пока начнется разборка: а кто вы такая? А что здесь, на моей земле, делаете? Ах, вы частный детектив – а где ваше удостоверение? А договор на оказание услуг? Словом, тьфу! Ничего, кроме геморроя, она себе не наживет, да и рабочий день будет потерян!

И тогда она набрала Пашку.

– Что такое, Синичкин?! – заорала она на начальника. – Не, ну, правда?! Я уволюсь завтра же! Куда ты меня все время посылаешь?! Почему как урод какой-нибудь, так к нему все время еду я?! Почему не ты, мужик и хозяин сыскного бизнеса, с ним разбираешься?! А я?!

– Подожди, моя хорошая, – вдумчиво произнес Павел Сергеич, и ее порадовало, что она – *хорошая*. – Тебя неласково свидетели встретили?

– Еще как неласково! Ружье наставлял! В голову целил, гад!

– Костик этот?

– А кому б еще!

– Но ты жива-здоровая?

– Слава богу, да.

– Ладно, я этому Костику врежу. Хочешь?

– Врежешь – как? Морально или физически?

– А ты как предпочитаешь?

– Физически. И посильнее. Только не насмерть. А то носи тебе потом передачи.

– Сделаем. А ты лучше уматывай оттуда подобра-поздорову.

– Умотала уже!.. А от тебя, Синичкин, я уволюсь, вот ей-ей уволюсь!

– Ладно, Римма Батьковна, не горячись. Отплатим мы мерзавцу. Найдем способ и отплатим.

После разговора с боссом настроение у Риммы несколько улучшилось. Что ни говори, умеет Синичкин работать с персоналом – хотя такового в агентстве одна только Римка.

Почти бегом девушка преодолела неблизкий путь – проселок от дачного поселка до станции. Ей даже показалось, что она управилась быстрее, чем они тащились, подскакивая на ухабах, в машине вместе с радушной бабушкой-соседкой. Девушка не замечала летних красот в виде опушки леса, поля, заросшего васильками, и нагромождения сливочных облаков над дальним лесом.

Слава богу вот и станция. Однако ближайшая электричка до Москвы ожидалась только через сорок пять минут, и в магазине на площади – кто Римку осудит после пережитого? – она взяла «мерзавчик» коньяку, колу и чипсы. Ей явно требовалось успокоительное, да и мусорную еду она себе разрешила. Подумала: «Вот так ведешь-ведешь ЗОЖ, а потом уложит тебя в одночасье какой-нибудь псих вроде Костика, пожалеешь ведь в последнюю минуту, что даже чипсами с колой напоследок не побаловалась».

На одинокой лавочке на платформе Римма влила шкалик коньяку в колу, с грохотом закинула пустую бутылочку в урну и стала не спеша прихлебывать коктейль, заедая его мусорной, но такой вкусной едой. Спустя пару минут вернулось самообладание, напряжение отпустило. И солнце засветило как-то ярче, и ветерок задул, принося летние ароматы леса.

«Мерзавец все-таки этот Синичкин, – подумала Римма после коньяка довольно благодушно. – Когда же и чем кончатся наши с ним долгие и зловредные отношения?»

Паша

Примерно в то же самое время я встречался с человеком, которого Полина рекомендовала как ближайшего подчиненного своего отца и товарища по работе. Звали его Иннокентием Карпашенко, и выглядел он под стать своему импозантному имени-отчеству: моложе, чем Порецкий, а именно лет сорока пяти или семи, красивый, с эффектной проседью в черной шевелюре и голубыми глазами. Отличный костюм, офисные ботинки, дорогой галстук. Легко можно было себе представить, как женщины-коллеги или просто встречающиеся девушки сходят по нему с ума.

Мы встретились неподалеку от офиса, где служили Карпашенко и погибший: у громадного, державного сталинского здания-утюга на Третьяковской. Ни в какое кафе не пошли, присели на лавочку – погода хмурилась, но дождя не обещали. Вокруг спешили по своим делам москвичи и гости столицы. Узбеки в желтых жилетах в очередной раз взрезали столичный асфальт и укладывали бордюры и плитку. Временами стучал отбойный молоток.

Первым моим вопросом была смертельная болезнь у Порецкого.

– У Игоря?! – выкатил глаза красавец. – Никогда не слышал. Ни разу ничего такого он не говорил.

– Вроде в самое последнее время это обнаружилось. Где-то нынешней зимой.

– Нет, ни сном ни духом.

– А вы с ним в дружеских отношениях состояли, да? Выпивали, наверное, вместе. И разговаривали? О многом – в том числе о женщинах?

– Случалось.

– А в последние годы, после смерти жены, у Игоря Николаевича была постоянная подруга?

– Не знаю. Не могу судить. Вы знаете, этой темы Порецкий как-то избегал. Может, дело заключалось в том, что я Леночку, жену покойного, знал, и поэтому распространяться о новой даме было бы чем-то вроде предательства ее памяти.

– А сами как считаете: была у него какая-то *на постоянной*? Или кратковременные связи?

– Мм, по косвенным признакам можно судить, что, скорее всего, все-таки второе.

– По косвенным признакам? Это как?

– Ну, бывало, приходил он на работу какой-то удовлетворенный, довольный, разглаженный.

– То есть как после хорошего секса? – подмигнул я.

– Типа того.

– А напрямую про девушек ничего не рассказывал?

– Нет. Вот только совсем незадолго перед кончиной вдруг высказался...

– Незадолго? Когда точно?

– Да прямо дня за два, за три.

– Вот как? И что же он сказал?

– Вдруг выдал мне: о, я с такой классной девчулей познакомился. Чуть не впервые в жизни я подобное от него слышал.

– Вот тут, пожалуйста, поподробнее. Когда он с ней встретился, при каких обстоятельствах, кто она такая?

– Да ничего он не рассказал. Я ж говорю: он замкнутый был, не болтун, на темы секса не распространялся.

– И все-таки в тот раз высказался. И что конкретно он произнес? В каких выражениях?

– Да ничего особенного, я и не помню, кроме тех слов про классную девчулю. Мы с ним, кажется, в лифте ехали, а потом то ли кабина остановилась, то ли кто-то вошел – в общем, разговор прервался.

– И больше не возобновлялся?

– Нет. Вскоре он и погиб.

– А в какой день недели та беседа случилась?

– Умер он в пятницу, да? Значит, это в среду было или во вторник.

– На той же неделе?

– Да, да.

– А может, в понедельник или в четверг?

– Может. Но, скорее, все-таки в среду.

– А может ли смерть Порецкого быть связана с его работой?

– Это как?

– Говорят, он важный контракт прорабатывал на строительство в Южной Америке, вы с китайцами там конкурируете, и они-де могли быть заинтересованы, чтобы его убрать. Потому что именно Порецкий интересы нашей страны активно отстаивал.

– Вообще-то это конфиденциальная информация. Откуда вы ее взяли?

– Дочь мне его сказала.

– Что же, вы думаете, что те, кто после Порецкого будет этот проект курировать, меньше о России станут печься?

– Я ничего не утверждаю, я вас спрашиваю.

– Глупость. Выбросите это из головы.

– А мог Порецкий какую-то важную информацию дома хранить? Или в своем телефоне? И его убили, чтобы ее похитить?

– Исключено. Секретные документы мы получаем в первом отделе, под роспись.

– А кто место Порецкого занял?

– Пока именно я его врию.

– К зарплате большая прибавка? – сыграл под дурачка я.

– Не настолько, насколько обязанностей и дел прибавилось.

– Значит, вы в принципе выиграли от его смерти?

– О-хо-хо. Ну, вы меня насмешили. Нет, я Игоря не убивал. И не заказывал.

– А мог он из-за каких-то служебных проблем с собой покончить?

– Никаких особых проблем у него в последнее время не было. Обычная рутина.

Я еще выспросил у друга-красавца, не выглядел ли в последние дни его погибший приятель подавленным? Чрезмерно расстроенным? Убитым горем? Нет, нет и нет, отвечал тот.

Может, у него случились какие неприятности? Не знаю что. Например, начальник накричал? И опять ответ последовал отрицательный. Или с дочками, зятем, внуком что-то неладное? И снова: «Нет».

Говорил ли он о будущем? Делился какими-то планами? Что-то предвкушал?

Это тоже, к сожалению, нет.

Так вот мы с ним и поговорили, и, признаюсь, имелась в его показаниях важная деталька. Потому что оперативная моя чуйка нашептывала мне, что в смерти Порецкого замешана женщина. Эти шесть бутылок французского шампусика, тарелка с сырами, фрукты, чистое белье в спальне и свежеприготовленное блюдо – все говорило в пользу ля амура.

Правда, полисмены осмотрели, как говорят, видео с камеры над подъездом – и вроде бы в ту пятницу погибший пришел домой один. И соседи тоже ничего не видели. Ну, на соседей по нынешним временам, когда все в себя самих и собственные гаджеты погружены, я и не рассчитывал. А видео – полицейские могли ведь и ошибаться, не правда ли?

Конечно, против версии об амурном разбое говорит тот факт, что из квартиры погибшего, по словам младшей дочери, ничего не пропало. *Ничего, кроме налика и телефона*. Но, может, для преступника был-таки важен айфон? Или информация в нем?

Или Полина Порецкая просто не знала *о чем-то очень ценном*, что имелось в квартире погибшего отца? И украли как раз именно *это ценное*?

В итоге, если бы букмекерские конторы принимали на мое расследование ставки, я бы на *убийство* поставил четыре-пять против одного на *суицид*.

А на то, что в деле замешана женщина, не пожалел бы шести-семи против преступника-мужчины.

Но при том мне казалось, что убийца (женского пола) – *вряд ли одиночка*. Все у нее вышло настолько складно и продуманно, что вряд ли дело под стать обычной провинциальной клофелиннице. И откуда она узнала про антидепрессанты, коими баловался покойный? И когда и как успела приготовить смесь?

Попахивало каким-то *заговором* или *сговором*. И на то, что в деле, *кроме женщины-исполнительницы*, замешан еще какой-то мужчина, я бы тоже поставил, исходя из трех-четырех к одному. Именно о том нашептывало мне мое оперативное чутье, обострившееся по случаю настоящего дела.

Римма

Итак, вторым номером в сегодняшнем списке у нее значилась психиатрия, пользовавшая погибшего. Любовь Михайловна Бобылева любезно пошла Римме навстречу – правда, договорились они встретиться поздно, аж в полдесятого вечера: «До девяти у меня прием». Женщина пригласила ее в свой офис – частную клинику в районе Театра армии.

Римма с вокзала заскочила домой, приняла душ и переоделась. Счастливое расположение ее квартирки – у метро «Павелецкая» – позволяло добраться до дома за четверть часа с любого вокзала (исключая слабо востребованные Рижский и Савеловский). Наряд, приличествующий визиту на дачу, джинсы и куртяшку, она сменила на более уместные в городе плащ, платье, туфли. Как раз когда переодевалась, пришла эсэмэска от Синичкина. Босс был, как всегда, лапидарен: «Поступили данные, что наш *горняк* завел амурное знакомство за несколько дней до своего *отхода*. Прокачай».

Когда-то в баснословные, еще советские времена (Пашка ей рассказал) по рации нельзя было произносить: «погибший», «пострадавший». Запретные слова заменяли эвфемизмами. Жмуриков называли *горняками*, раненых – *степняками*. С тех пор кодовые слова в их обиходе прижились – а то заглянут через плечо в переписку, подслушают разговор.

Девушка на метро доехала до «Достоевской». Станция оказалась из новых, и, кажется, Римка очутилась здесь впервые. Стены и колонны украшали портрет Федора Михайловича и иллюстрации к его романам. На одной из колонн Раскольников топором мочил старушку. «Эх, не было в те времена нынешних технологий, – подумалось сыщице. – А то бы Порфирию Петровичу не пришлось в течение всего романа Родиона Романовича колоть. Простая дактилоскопия многое бы доказала. Вдобавок обязательно изъяли бы одежду подозреваемого. Провели анализ – например, хемилюминисценцию. Нашли бы следы крови. Затем – ДНК-экспертиза кровавых следов, и обнаружили бы, что кровь на одежде Раскольникова принадлежит старушке-процентщице и сестре ее Лизавете. И всё, дело раскрыто. А Порфирий со своей психологией весь роман чикался, прежде чем произнести: «Вы и убили-с».

Римма, посматривая в навигатор, пошла искать нужное здание. Лето приближалось к макушке, поэтому вроде стемнело, да не полностью. Небо разбеливалось темно-молочным светом, вдобавок сумерки разрезали многочисленные фонари, вывески и огни припозднившихся фар.

Как часто бывает в центре, старинные особнячки чередовались с памятниками советского домостроения: брежневскими панельками в девять и двенадцать этажей. «Ничего удивительного, – думала Римма, – что нынешние московские власти спят и видят: как бы их (да и мой дом!) снести да понастроить на том месте бизнес-класс с панорамным остеклением и подземными паркингами: столько земли пропадает! Только вот куда нас, здешних жителей, девать, бонзы пока не решили. Они, конечно, были б только счастливы, если б мы все, коренные москвичи-нищоброды, перемерли, а нам на смену откуда-нибудь из Тюмени понаехали богатые нефтяники с тугими кошельками».

Клиника, где трудилась доктор меднаук и профессор Бобылева, отыскалась в доходном доме предреволюционной постройки. В подъезде в своей будке охранник трудился над кроссвордом. Римка сказала, к кому. Он кивнул, не отрываясь от своих занятий:

– Нажмите домофон и входите. Первый этаж.

В самой клинике за высокой конторкой никого не оказалось. Теплый свет заливал пустынный коридор с рядами дверей. Стены были украшены не бюллетенями санпросвета, как при бесплатной медицине, а картинками в стиле пин-ап довольно фривольного содержания: девчонки в коротких юбочках и чулочках с блудливыми улыбочками мыли полы, развешивали белье, готовили пищу.

Пустые и тихие пространства почему-то напрягали – особенно после сегодняшней безумной выходки Константина Камышникова. В какой-то момент показалось, что из дверей выскочит вдруг маньяк с топором.

Но нет. В коридор вышла дама (Римка все-таки вздрогнула), одетая элегантно и стильно. Деловое платье без рукавов – скорее всего, из последней коллекции «Максмары», туфельки от «Гуччи». Женщине было под пятьдесят – при том, что какой-нибудь ненаблюдательный лох мог счесть, что ей слегка за тридцать: натянутая кожа лица, полные губы, сияющие глаза. Идеальный маникюр и прическа. Каждый квадратный сантиметр кожи, каждый погонный миллиметр волос или ногтей свидетельствовали о тщательном и дорогостоящем уходе за собой. Нимало не обвислые, а упругие на вид бицепсы и трицепсы говорили о ежедневных часах, проведенных в спортзале. Волосы умело осветлены и небрежно всклокочены – каковая небрежность дается лишь дорогостоящим умением модного куафера. Проницательный блеск глаз говорил, что женщина постоянно работает над собой не только по физической, но и по умственной линии. Вот только кисти рук – самая проблемная и трудно поддающаяся коррекции зона – выдавали возраст: ах, ах, узловатые, суховатые пальцы, выделяющиеся вены. Но в целом психиатрия выглядела так, как к пятидесяти годам смотрится только очень, очень богатая женщина (или спутница сверхобеспеченного мужчины).

– Я из детективного агентства, я вам звонила, – пробормотала Римма.

Глаза врачихи смотрели испытующе, казалось, пробуравливали самый мозг.

– Проходите.

В кабинете располагались удобнейшая психотерапевтическая кушетка, покрытая искусно состаренной кожей, а также пара нормальных кресел вокруг антикварного – похоже, ломберного – столика. На нем стояла резная скульптура черного дерева, изображавшая Приапа с бесстыдно выпяченными достоинствами. Пара картин в золоченых рамах также демонстрировала обнаженную натуру, но женскую – нечто из восемнадцатого века в стиле классицизма: Венеры, нимфы, все такое. «Что-то слишком они тут повернуты на сексе», – подумалось Римме.

У зашторенного окна стоял, правда, строгий письменный стол, вокруг которого помещался в приличествующих скромных рамках табунчик дипломов.

Гранд-дама пригласила садиться к ломберному столику с Приапом.

– Я по поводу вашего пациента, Игоря Николаевича Порецкого, – бросила Римма. – Вы знаете, что он покончил с собой?

– Согласно этическим нормам, – глубоким и спокойным голосом заявила психиатрия, – я не имею права обсуждать даже тот факт, являлся или нет данный гражданин моим пациентом.

Римма ожидала чего-то подобного.

– Судебно-медицинская и судебно-химическая экспертизы показали, что Порецкий был отравлен психотропными препаратами. А рецепты на эти препараты выписывали вы. И, замечу, они, с вашей подписью и личной печатью, в деле имеются.

– Возможно, – глубокомысленно проговорила докторша, и повисла пауза.

Дама явно не собиралась оправдываться. Сидела и посматривала довольно свысока: что дальше последует? Какие еще козыри приберегла посетительница?

– Как вы думаете, – елейным голоском продолжила Римма, – как отреагируют медицинское сообщество и надзорные органы, если мы предадим огласке факт, что именно *вы* выдали рецепт на антидепрессанты, с помощью которых впоследствии покончил с собой (или был убит) *ваш* пациент?

В ответ на столь недвусмысленный шантаж психиатрия лишь тонко усмехнулась.

– Как давно (как вы говорите, мною) выписывались эти самые рецепты?

– Около двух лет назад, – не стала лукавить Римма.

– Ну, тогда они попросту недействительны. И тот фармацевт или провизор, что сейчас выдал по ним препараты, совершил должностное упущение.

– А если таблетки купили тогда, два года назад? И с тех пор они лежали в личной аптечке покойного? Ждали, так сказать, своего часа?

На этот выпад докторица лишь снисходительно улыбнулась.

Девушка-детектив попробовала сбавить тон:

– Вы дали заключение, оно есть в деле, что Порецкий страдал депрессией, так?

– Ладно, – тонко улыбнулась профессорша, – я пойду вам навстречу, но отнюдь не из-за вашей неловкой попытки угрожать мне. Она не засчитана. Никакое, как вы говорите, обнаружение вами информации моей репутации не повредит. Ни по профессиональным, ни по человеческим, ни по божеским законам ни малейшей ответственности за гибель гражданина Порецкого я не несу. – Голос дамы звучал убежденно. – Даже если вы свяжете мои давние рецепты с его сегодняшней гибелью и начнете об этом *орать*

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.